

18+ Владимир Дараган

Однажды

и другие рассказы

Владимир Дараган

Однажды. И другие рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22615243

ISBN 9785448360145

Аннотация

Это сборник рассказов о жизни во времена развитого социализма и перестройки, лихих 90-х и спокойных нулевых. Веселых рассказов много больше, чем грустных, – ведь почти в любой ситуации можно улыбнуться – и жить станет легче. Книга могла бы стать автобиографической, будь у автора хорошая память. Однако в своей памяти автор не уверен, поэтому предлагает вам рассматривать эти записи как истории, которые могли случиться с каждым, кто родился во времена СССР.

Содержание

Как начинались «Однажды»	6
Часть 1. Почти счастливое детство	7
Однажды в Вышнем Волочке	7
Что-то всегда проходит мимо	10
Все случается	13
Солнечное утро	15
Собеседница	16
Короткие летние рассказы	19
В тумане или первая охота	23
Женька	29
Часть 2. Веселый школьник	31
Однажды на берегу озера Балхаш	31
Ракеты и штаб	36
Стенгазета	40
Большой телефон	41
Полонез Огинского	42
Однажды в Пушкино	43
Лазер в кармане	48
Пусть всегда будет солнце!	49
Осень в школе	51
Первое сентября	54
О чем говорить по телефону	57
Лестница	60

Однажды в Пушкино – 2	61
Картинки из памяти	64
Фразы на уроках	66
Доска	69
Часть 3. Студенты	70
Инженер-физик (повесть)	70
Однажды во время дипломной практики	141
Французы	147
Картинки из памяти	150
Визит декана	160
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Однажды И другие рассказы

Владимир Дараган

© Владимир Дараган, 2019

ISBN 978-5-4483-6014-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как начинались «Однажды»

Однажды в детстве я прочитал, как одного мальчика попросили написать рассказ. И что бы он ни писал, его рассказ начинался со слова «Однажды». Я не стал оригинальничать и тоже попробовал написать рассказы, которые начинались с этого слова.

Эта книга могла бы стать автобиографической, будь у автора хорошая память. Однако в своей памяти автор не уверен, поэтому предлагает вам рассматривать эти записи как истории, которые могли случиться с каждым, кто родился во времена СССР.

Часть 1. Почти счастливое детство

Однажды в Вышнем Волочке

Однажды у бабушки на чердаке я нашел кучу книг и журналов начала 20-го века. «Ух ты! – обрадовалась бабушка. – А я-то голову сломала, где взять бумагу, чтобы кульки вертеть, когда буду крыжовник продавать».

Однажды я с родителями ехал в поезде, и меня угостили помидором. Попутчик, пожилой мужчина, напрягся и сказал, что он хочет научить меня, как надо их правильно есть. Оказалось, что помидор надо немного надкусить, а потом высосать сок. Тогда он не будет брызгаться. «Понял?» – спросил он меня. Я кивнул, пососал помидор и изо всех сил вонзил в него зубы. Мама потом долго бегала за водой, чтобы отмыть рубашку попутчика.

Однажды мне было четыре года и мама дала мне суп, сказав, что, пока я не доем, из-за стола не выйду. Я сидел и мечтал, что когда я вырасту и буду сам наливать суп в тарелку, то возьму для этого чайное блюдце.

Однажды я придумал новое блюдо. Я макал белый хлеб

в чай, потом в сахар и не понимал, почему бабушка огорчается, что в доме нет колбасы и мяса. Ведь я мог питаться своим блюдом неделями.

Однажды, когда мне было пять лет, родители стали показывать меня гостям как чудо-ребенка. Гости называли день текущего года, а я говорил, какой это день недели. Секрет был прост. Я сумел запомнить дни недели первого числа каждого месяца, а дальше просто считал. Кстати, повторить сейчас этот фокус мне было бы труднее.

Однажды мама спросила, кем я хочу стать. Я подумал и сказал, что хочу стать взрослым и в конце концов перестать есть манную кашу.

Однажды я читал Чехова и захотел стать артистом. Я спросил у мамы о социальном статусе артистов – не слишком ли он сейчас низок, как это было в 19-ом веке? Мама вздохнула и сказала, чтобы я шел делать уроки.

Однажды я спросил у бабушки, почему у нее сложные отношения с соседкой бабой Дуней. «Потому что забор!» – ответила бабушка. Проблема была в ремонте забора, который разделял наши участки. Была многолетняя дискуссия: «если ты строил этот говенный забор, то ты его и ремонтируй» или: «я строил забор, так ты хотя бы чини его». Про-

блема была неразрешимой.

Однажды бабушка сказала: «Вот Дунька какая! Сидит, смотрит, на ребенка порчу наводит!». Соседка любила сидеть у окна, из которого был виден наш двор, и внимательно все контролировать. Когда я узнал слова «немой укор» и «всевидящее око», то сразу вспомнил бабу Дуню.

Что-то всегда проходит мимо

Утром бабушке надо было сварить в печке чугунок картошки и разделить его на три части. Одна часть была для безымянного поросенка, другая шла псу Джеку, третья – нам с дедом. Всем дополнительно полагался черный хлеб, а поросенку еще остатки вчерашнего ужина. Курам давали пшено и хлебные крошки. И так каждый день.

За всю свою жизнь бабушка была два раза в Ленинграде и лишь после смерти дедушки, уже после инсульта, переехала к нам в Пушкино. Дедушка ни разу не выезжал за пределы Вышнего Волочка.

Я лежу на диване с закрытыми глазами и вспоминаю свою жизнь в большом бревенчатом доме. Что бабушка и дедушка хотели от жизни? Что бы их сделало более счастливыми?

Бабушка

- чтобы в продуктовом ларьке каждый день продавали мягкий белый хлеб, масло и вареную колбасу;
- чтобы дедушка приносил с рыбалки не окуньков и ершей, а больших лещей;
- чтобы в саду было меньше прожорливых гусениц;
- чтобы дочери и зятя регулярно приезжали помогать сажать и копать картошку, собирать яблоки, солить капусту и грибы;

- чтобы крыжовник и яблоки можно было продавать не у проходной завода, а прямо у нашего палисадника, сидя на лавочке и болтая с соседкой Клавой;
- чтобы эти проклятые сорняки перестали расти на грядках с редиской и клубникой;
- чтобы у телевизора перестали «бежать» кадры;
- чтобы соседка Дуня перестала бы трындеть насчет ремонта забора, а сама бы взяла и починила!

Дедушка

- чтобы бабушка перестала бухтеть насчет выпивок с друзьями после работы;
- чтобы можно было ходить на рыбалку каждый день;
- чтобы найти деньги и купить мотоцикл с коляской, как у Касьяна, и ездить за грибами на нем, а не на этом чертовом поезде в четыре часа утра;
- чтобы не надо было по ночам сторожить сад от воришек, когда созревают яблоки;
- чтобы по воскресеньям хоть иногда можно было пойти с соседом в рюмочную, а не горбатиться на огороде.

И не надо им было ни виллы в Ницце, ни «майбаха», ни пентхауса, ни пляжей Карибского моря. И не было у них чувства, что вот сидят они в своем доме в дождливый осенний вечер, пьют чай из самовара, а жизнь проходит мимо.

А какого рожна мне все надо? Почему не сидится на ме-

сте? Почему к концу рабочей недели я начинаю с тоской смотреть на север? Мне даже компаса не нужно. Можно повертеться на месте, и куда мне захочется идти, там и север!

Но по пути на север я бы заглянул в старый бревенчатый дом, где раньше пахло сеном, старыми досками и дымом от самовара. Я бы сел за стол, покрытый старой клеенкой, достал из сахарницы кусок рафинада, расколол его щипцами на четыре части, положил кусочек в рот и стал бы прихлебывать чай из большого треснутого блюда. А если бы повезло, то отрезал толстый кусок мягкого белого хлеба, намазал его желтым маслом и сверху положил бы хорошую порцию клубничного варенья.

Все случается

Если в твоей жизни не происходит ничего необычного, то это необычное можно придумать.

Бабушка всю жизнь прожила в Вышнем Волочке – посредине между Москвой и Питером. За всю жизнь она несколько раз прокатилась на поезде – навестить дочек. Ездила она в общем вагоне, и каждый раз во время таких поездок происходили необыкновенные встречи. Ее попутчиками оказывались то министры, то члены ЦК КПСС. Они рассказывали бабушке, что все скоро наладится: пенсии увеличат, а в Вышний Волочек будут привозить много колбасы, сливочного масла, шоколадных конфет и даже парного мяса.

Дедушка пил чай из блюдца, откалывал щипцами кусочки рафинада и кивал. Ему очень нравились бабушкины рассказы, даже если он в них не верил. Меня интересовали конфеты: «Мишка Косолапый» или «Птичье молоко»? Оказывалось, что министр говорил и об этом.

– «Мишка» будет, «молоко» будет, всё будет – уверенно говорила бабушка. – Скоро к нашему ларьку пристроят второй, чтобы все продукты поместились.

Министры и члены ЦК, которые ездили с бабушкой в общем вагоне, оказались правы. Пенсии увеличили, колбаса, масло и конфеты стали продаваться свободно. Вот только с продовольственными ларьками они промахнулись. Второй

ларек так и не построили. На этом месте сейчас магазин с большими стеклянными витринами.

Солнечное утро

Наступает март, и я просыпаюсь утром уже не в темень, как совсем недавно, а когда за окном сияет солнце.

– Мам! – спрашиваю я, – а почему сейчас солнце, а недавно в это время было темно?

– Потому что весна, – отвечает мама. – Доброе утро!

– А почему весной солнце так рано встает?

– Потому что весной оно должно выше на небо забраться. Все, вставай! Умываться, одеваться и за стол!

Мама упреждает поток вопросов про небо и солнце. Я чищу зубы и думаю о свалившейся на меня загадке. Что-то мне подсказывает, что солнце забирается высоко потому, что вокруг тает снег.

Я ем манную кашу и продолжаю думать.

Собеседница

Я никогда не любил быть один, но иногда приходилось. Особенно у бабушки, где друзья жили далеко, и в плохую погоду все сидели по домам. Тогда я стал мысленно разговаривать с героями книг. Книг у бабушки было мало и героев тоже получалось немного. Из «Сказок народов мира» мне понравилась только принцесса. На последней странице какой-то сказки она шла под руку с принцем, который был незамедлительно заштрихован. Мне особенно нравилось принцессино платье, точнее его высокий стоячий воротник сложной формы. Вот за воротник я в нее почти влюбился и пригласил ее к себе в гости.

Сначала я показал ей мой театр, сделанный в почтовом фанерном ящике. Внутри ящик был оклеен немыслимо красивой бархатной бумагой вишневого цвета и освещался цветными лампочками из набора «Юный электротехник». На сцене стояли вырезанные из книжки Буратино и Мальвина.

– Ни фиги себе! – сказала принцесса. – А ходить они могут?

Я показал ей дырку в потолке сцены, через которую, почти незаметно для зрителей, можно было проволокой двигать Буратино. Мальвину я двигать не решался, потому, что она падала при любом прикосновении.

– А как они разговаривают? – спросила принцесса.

Я что-то пропищал, стараюсь подражать голосу артиста из радиопостановки «Золотой ключик».

– А у меня есть настоящий театр! – сказала принцесса. – У нас есть костюмы, музыка... все-все-все есть! Меня мама заставляет играть роль королевы, говорит, чтобы я привыкала. Это мне пригодится.

– Лучше всегда быть принцессой! – уверенно сказал я. – Принцессы красивее.

– А ты много видел королев? – спросила принцесса.

– Четыре, – сказал я. – Пиковую, трефовую, бубновую и червовую... и все они уродливые старухи. И платья у них не такие красивые!

Принцесса поправила свой воротник.

– А где твоя спальня? – спросила она.

Я провел ее в большую комнату, которую бабушка называла «залой».

– Вот! – сказал я и показал на диван, над которым висели фотографии родственников в тяжелых черных рамах.

– Но тут даже подушки нет! – удивилась принцесса.

Я открыл скрипучую дверь шифоньера и показал ей подушку.

– У нас еще аккордеон есть! – похвастался я. – Только я играть не умею.

Принцесса присела на краешек дивана и заскучала.

– Пойдем я тебе сад покажу, – предложил я.

– Я обожаю гулять по саду! – обрадовалась она.

Вход в сад охранял Джек. Я предложил ему познакомиться с принцессой. Джек нехотя вылез из будки, зевнул, потянулся и поплелся к забору пописать.

– Экий ты невоспитанный пес! – возмутился я.

– А почему он на цепи? – спросила принцесса. – Наши собаки бегают свободно.

– А он любит за курами охотиться! – объяснил я. – И еще любит делать подкоп под забор и убегать к соседям ловить их кошку.

– Понятно! – сказала принцесса, и, подобрав платье, прошла в открытую мной калитку.

В саду она немного растерялась. Многое она видела первый раз в жизни.

– А почему у вас сливы растут среди капусты?

– Чтобы место не пропадало!

– А почему у вас так воняет?

– А это вчера дедушка куриный помет под яблони разбросал.

– А почему у вас трава на скошена?

– А чего ее косить? Коровы у нас нет. Кроликов тоже.

Принцесса еще походила немного и остановилась.

– У тебя тут скучно! Ты меня больше к себе не зови, ладно?

На том и порешили. Я взял резинку, стер то, что намулевал на принце, и больше к этой сказке не возвращался.

Короткие летние рассказы

Речка

Мне семь лет. Мы с пацанами бродим по речке и руками ловим пескарей. Речка мелкая – нам по колено. Дно песчаное, вода теплая. На берегу мы выкопали яму, туда набралась вода – это у нас называлось озером. Пескари должны там жить как в аквариуме. Вдруг я оступился и провалился в глубокий омут, о котором все забыли. Ужас! Я погрузился с головой, но всплыл, стал отчаянно бить по воде руками и вдруг обнаружил, что я не тону, а плыву.

Так я научился плавать.

Баня

Рядом с нами совхоз. Там выращивают капусту и еще что-то в теплицах. Совхозные ребята – самые уважаемые. Они везде ходят с ножами и кастетами. Даже купаться. «Совхозные» являются непререкаемыми авторитетами при игре в футбол и во время вечерних посиделок на бревнах около правления.

Сегодня они мне открыли секрет. Родители им дали деньги на баню, но они идут на речку, раздеваются, заходят в воду по пояс и моются с мылом. По реке плывут мыльные пузыри. Совхозные довольны – теперь им хватит на пиво.

Книги

Я обожаю ходить в гости к приятелю. Там масса интересного, особенно в бане. Баню никто не топит – нет любителей. Окна заросли паутиной, на лавках стоят коробки со старыми вещами. Одна коробка с иконами, в другой лежат бокалы и стопки из толстого белого и темно-синего стекла. Если их разбить, то получаются «драгоценные камни», которые можно закапывать, как клад. В других коробках старые журналы и дореволюционные книги по медицине. В журналах много фотографий царского семейства и картинок с германского фронта. Потом мы открываем медицинские книги, внимательно рассматриваем картинки и учимся принимать роды.

К Элизе

В музыкальной школе мне дали задание на лето – выучить наизусть «К Элизе» Бетховена. Мама договаривается с учительницей, у которой есть дома пианино, и уезжает с папой в Пятигорск.

Перед домом учительницы маленький палисадник с георгинами и гладиолусами. Я сижу на стуле за инструментом и смотрю в открытое окно с тюлевой занавеской. Занавеска колыхается от теплого ветра, я вижу приветливое голубое небо, белые облака и листву тополей на улице.

– Не отвлекайся! – говорит учительница. – Сейчас мы будем играть самое красивое место.

Ноты у нее старые, дореволюционные. Бумага пожелте-

ла, уголки потрескались, какие-то места помечены синим карандашом. Учительница перехватывает мой недоуменный взгляд и говорит:

– Когда я была маленькая, то тоже учила «К Элизе» наизусть и отмечала, до какого места я уже выучила.

Индеец

Мама привезла из Москвы колбасу и копченую свиную корейку. Мне отрезали кусок и отправили на улицу. Я залез на клен и принялся жевать эту вкуснятину, представляя, что я индеец и ем сырое мясо. Внизу проходит наш кот Барсик. Он смотрит на меня, принюхивается и залезает на соседнюю ветку. Я отрываю зубами кусок корейки и протягиваю ему. Теперь мы оба сидим на клене и не спеша жуем.

– Барсик – друг индейцев! – говорю я ему.

Барсик проглатывает свою порцию, смотрит на мои пустые руки и не спеша спускается вниз.

– Предатель ты, а не друг индейцев! – обижаюсь я и тоже слезаю.

Сегодня на ужин будет вареная картошка с моей любимой докторской колбасой.

За грибами

Однажды дедушка взял меня за грибами. Я плетусь по мокрой траве, спотыкаюсь о корни, проваливаюсь в мягкий зеленый мох. В корзинке у дедушки термос с чаем, ва-

ренные яйца, огурцы и черный хлеб. Я не хочу искать грибы. Я хочу сладкого чая с огурцами.

Скучно!

Летние каникулы, я живу у бабушки. Идет дождь. Сквозь маленькие окна, заставленные горшками с геранью, видны мокрые листья старого тополя. Все оставшиеся от брата книжки уже прочитаны. Я прихожу на кухню и смотрю как бабушка ставит в печку чугунок с картошкой.

– Что, скучно? – спрашивает она. – Вот погоди, я управлюсь, и мы с тобой в лавку пойдем – сегодня масло обещали завезти!

Излучение

У бабушки квартирант, его зовут Виктор. Он лейтенант, служит на радиолокационной станции. По вечерам Виктор долго пьет молоко и говорит, что это ему прописали врачи. Бабушка слушает его рассказы об излучении на станции и тихонько шепчет мне, чтобы я на всякий случай держался от Виктора подальше.

В тумане или первая охота

– Из носика чайника идет туман, а не пар! – сказал учитель физики. – Пар невидим, а когда мы начинаем его видеть, то он называется туманом.

Сразу померкла романтика комсомольских песен. За туманом не надо было далеко ехать – достаточно поставить на плиту чайник. Я сидел за партой, смотрел в окно и вспоминал далекое туманное утро, когда впервые пошел на охоту.

Я долго готовился к этому дню. Из доски было выпилено ружье. Туда, где у ружья должна быть мушка, я вбил два гвоздя, привязал к ним прочную резинку из набора юного авиамоделиста, а на место целика примотал проволокой бельевую прищепку. С вечера набрал ржавых гвоздей, которые дедушка хранил в деревянном ящике на полке в кладовке, молотком придавал им форму буквы «Г» и сложил их в мешочек из-под крупы, который мне выдала бабушка. Я потренировался в саду и научился с десяти метров попадать гвоздями в ведро, стоявшее на скамейке у колодца.

Утром был туман.

– И куда ты пойдешь? – вздыхала бабушка, вынимая ухватом из печки чугунок с вареной картошкой. – Тут недолго и в Горелое болото попасть. А там, сам знаешь, даже в ясный день сгинуть можно!

— А ты бы пошел с ним, — обратилась она к дедушке. — А то вдруг чего!

— А сливы кто собирать будет? — проворчал дедушка. — Ты же к лесозаводу собиралась.

У бабушки был свой маленький бизнес. Летом она ездила к проходной лесопильного завода, где проработала телефонисткой всю жизнь, садилась на скамейку и ставила рядом корзину с рыжим крыжовником. стакан крыжовника стоил десять копеек. Она прятала монеты в большой коричневый кошелек с защелкой в виде двух никелированных шариков, насыпала ягоды в бумажные кульки, которые она делала из моих старых тетрадей, и протягивала их покупателям. Покупатели постарше ее хорошо знали, спрашивали про дедушку и жаловались, что рыбы в водохранилище становится все меньше, да и за грибами нужно ездить все дальше и дальше.

Осенью бабушка привозила к заводу сливы или яблоки, но их покупали неохотно, и она часто привозила назад почти полные корзины. Ездила она на автобусе, где ей всегда уступали место. Бабушка сидела у окошка, смотрела на серые дома у дороги, вздыхала и украдкой вытирала слезы. Денег не хватало. Дочки помогали, но больше продуктами, которые привозили из Москвы и Ленинграда. Масло и копченую колбасу бабушка относил в подпол, где даже летом было прохладно и где всегда пахло укропом и пыльной картошкой. Вареную колбасу съедали в первый же день. Бабушка

ее обожала. Она отрезала большой кусок белой булки, сверху клала огромный кружок колбасы и все это запивала чаем с наколотым сахаром.

– Как москвичам хорошо, – говорила бабушка. – Они такую вкуснятину могут каждый день есть!

Я допил чай, отломил кусок булки и засунул его в карман.

– Ты бы в тряпицу хлеб завернул, – укоризненно покачала головой бабушка. – А то раскрошится весь, его потом только курам давать.

– Ничего! – крикнул я уже в дверях. – Я побежал, к обеду приду.

В саду была калитка, которая вела на небольшие картофельные поля. Между нашим полем и соседским пролегал узкая дорожка, заросшая лебедой. Картофельная ботва уже начала ложиться, сохнуть и желтеть. Скоро все будут копать картошку и собирать ботву в кучи. Эти кучи как-то умудрялись поджигать, и тогда едкий дым стелился над полями и садами. В костры добавляли сухие ветки, огонь от веток становился выше и жарче. Когда ботва и ветки почти прогорали, мы закапывали в горячую золу картошку и ждали, когда она начнет протыкаться острыми палочками, наструганными специально для такого момента. Бабушка приносила в деревянной миске крупную серую соль и жесткий зеленый лук, покрытый белым налетом. А еще у нее в корзинке лежали большие желтые огурцы и нарезанный черный хлеб.

– Эх... – вздыхал дедушка. – Щас бы...

– Ты сначала заработай на «щас бы», – говорила бабушка, – а потом вздыхай!

За картофельными полями шла пыльная грунтовая дорога, за которой тянулся забор из колючей проволоки. Тут во время войны строили линию обороны, состоящую из бетонных ДОТов, траншей, окопов и столбов, между которыми натягивали ту самую проволоку. Огромные колючие мотки сначала лежали на краю дороги, а потом местный совхоз приспособил проволоку для забора, оградив капустное поле. Смысл этого забора был мне не совсем понятен. Местные жители давно проделали там удобные ходы, через которые выносили мешки крупных белых кочанов для засолки, для зайцев этот забор препятствием не являлся, а оленей в наших местах сроду не водилось.

За капустным полем начиналось знаменитое Горелое болото, куда бабушка ходила за клюквой и брусникой. Сейчас кусты, обозначавшие его границу, были еле видны в тумане, но я туда не собирался. Мой путь шел вдоль высокого откоса, на вершине которого темнели заросшие травой траншеи, потом откос уходил вниз, к речке, вытекающей из водохранилища, и дальше к небольшим рощам посреди лугов с высокой травой. Там я однажды увидел стаю ворон, сидевших на ветках. Ворон собралось много, наверное, около тысячи. Они непрерывно кричали, потом почти одновременно поднялись в воздух, и вокруг стало темно. Стая закрыла небо, и наступили настоящие сумерки. Я тогда очень испу-

гался и решил, что без оружия сюда приходиться нельзя. Сегодня я был вооружен и ничего не боялся.

Туман начал сгущаться. Я шел вдоль речки и смотрел как в ней поднимается вода. Это означало, что недавно открыли плотину, и потоки серой воды, пахнувшей мокрыми бревнами, которые плавали в заливе около лесозавода, ринулись в узкое песчаное русло. Примерно через час вода станет спокойной и прозрачной, а сейчас она несла на своей поверхности всякий мусор. От росы у меня промокли ноги, ружье болталось за спиной на тонкой веревке и натирало плечо. Я взял его в руки, достал гвоздь, натянул резинку и закрепил конец гвоздя в прищепке. Теперь стоит лишь нажать на нее, как гвоздь со свистом улетит вперед, и горе тому, кто встанет на его пути!

Я поднялся на высокий обрыв над рекой, поднял свое ружье, положил палец на прищепку и стал водить «ствол» из стороны в сторону в поисках врагов. Врагов не было, я стоял на обрыве один. Туман заглушал все звуки: я не слышал ни утинового кряканья, ни карканья ворон, ни журчания речки в прибрежных камнях.

– То-то! – сказал я кому-то неизвестному и пошел дальше.

Вот и рощи посреди лугов – моя конечная цель. Трава стала совсем высокой, вдоль тропинки росли лопухи с огромными репейниками. Они цеплялись за куртку, но мне было не до них. Я подходил к тополям, на ветках которых дремали вороны. Они лениво переговаривались и сначала не обраща-

ли на меня внимания. Потом, когда я подошел совсем близко, одна из ворон резко крикнула, и этот крик повторился сотни раз сначала на этих тополях, а потом и на дальних, еле видимых в тумане.

Я присел и постарался скрыться за лопухами. Вороны немного покричали и постепенно затихли. Я понял, что ближе мне подойти не удастся, и стал прицеливаться. Вороны были далеко, попасть в какую-то конкретную птицу было невозможно, и я стал прицеливаться просто в середину кроны ближайшего тополя, в надежде, что ворон много и куда-нибудь я попаду.

— Нет, далеко, — вздохнул я и начал перевязывать резинку, чтобы натяжение было сильнее.

Наконец, все было сделано. Я гвоздем натянул резинку, закрепил шляпку гвоздя в прищепке и снова прицелился.

— Аааа!

Хваленая авиамodelьная резинка лопнула, больно хлестнув меня по щеке! Я схватился руками за лицо и стал подвывать, сидя на земле и раскачиваясь из стороны в сторону. Я слышал, как закаркали вороны, как захлопали их крылья и как карканье стало затихать в соседней роще.

Моя первая охота закончилась. Она же была, наверное, и последней. Я много потом стрелял из разных ружей, но никогда не стремился никого убивать.

Женька

Женька жил с матерью в соседнем с бабушкой доме. Он пил, скандалил, дрался, но когда был трезв, то любил философствовать. Через дырку в заборе я залезал к нему в сад, и мы подолгу сидели на теплых серых досках, из которых давно хотели что-то построить, но потом бросили. Женька говорил резко и категорично:

– Я вот вижу свою жизнь наперед. Ну, выпью я еще литров сто, может, даже женюсь и настрогаю детей-дебилов, набью жене морду пару раз, за грибами съезжу раз пять – и все! Больше моя печень не выдержит. А тебе надо отсюда делать ноги. Иначе ты тоже сопьешься. А если сам не сопьешься, то я тебе помогу. Точно помогу!

Женька расстегнул рубашу и задумчиво поскреб ногтями грудь. Его запястье украшала татуировка «Жека», ногти были с черными ободками.

– Отсюда можно выбраться двумя путями, – продолжил Женька. – Поступить в московский институт или устроиться на стройку в Питере или Москве.

– А чего ты не учишься? – спросил я.

Женька не удостоил меня ответом. Он лежал спиной на досках, смотрел в небо и о чем-то думал. Потом, не глядя на меня, тихо сказал:

– В общем, так, сосед. Ты еще мал, память не пропилил, по-

этому запомни: по-человечески можно жить везде, но самое главное... Короче, перед тем, как выпить свой первый стакан, вспомни меня и представь мое будущее. А теперь вали отсюда!

Женька через год повесился в маленькой заброшенной кузнице на краю совхозного поля. Я из окна смотрел как гроб, обитый красно-черной материей, затапливают в кузов грузовика, как поддерживают плачущую Женькину мать, и не мог поверить, что мы никогда не будем с ним сидеть на теплых досках и говорить о жизни.

Свой первый стакан водки я выпил в девятом классе в школьном туалете, закусив куском черного хлеба с парой килекпряного посола. Женьку я тогда не вспомнил. Вспомнил я его незадолго до окончания школы. Очень вовремя вспомнил!

Часть 2. Веселый школьник

Однажды на берегу озера Балхаш

Однажды мы во дворе играли в прятки. Вдруг ко мне подошла красивая девочка и сказала, что я ей нравлюсь и она хочет меня поцеловать. Я испугался и убежал от нее домой. Сколько лет прошло, а я до сих пор себя ругаю!

Однажды мы жили в бараке в небольшом поселке около озера Балхаш. По соседству жил веселый майор с неработающей больной женой. Никто не знал, чем она болеет, но она постоянно плохо себя чувствовала, и все ее жалели. Майор доставал дефицитные продукты, возил ее в санатории и тоже любил рассказывать, как ужасно она себя чувствует. Они прожили долгую, счастливую жизнь, и она пережила его на три года.

Однажды в четвертом классе я прочитал книжку по астрономии. Вечером я вышел на улицу, посмотрел на звездное небо и мне стало страшно от этой черной бездны. Мои переживания из-за вчерашней тройки показались сущим пустяком. Я решил стать астрономом, а не моряком, как хотел до этого.

Однажды мы жили с родителями в военном поселке в Казахстане. Нам с пацанами перепал мешок цемента, и мы строили во дворе маленький город. Там были «асфальтовые» дороги, дома, бассейны и парки. Как-то раз я пришел домой и сказал родителям, что не хочу быть взрослым. Ведь взрослые никогда не строят такие замечательные города.

Однажды в Казахстане мы переехали в новый дом. Нашими соседями были чрезвычайно энергичные люди. Жена сидела дома и придумывала новые варианты расстановки мебели. Мужу это надоело, и после очередной перестановки он выпилил куски плинтуса в тех местах, где стояла мебель. Тем самым он увеличил свободную площадь комнаты и обезопасил себя от будущих перестановок.

Однажды мы переехали в отдельный дом на берегу озера Балхаш, сразу попали в категорию уязвимых людей и хозяйка соседнего дома стала приглашать нас в гости. Я учился в шестом классе, а ее дочка в пятом. Мне показывали хрустальные вазы, скатанный в рулон ковер и говорили, что у дочки будет хорошее приданое.

Однажды я болел и решил сделать ракету. Я взял алюминиевую трубку, сплющил у нее один конец, набил туда пороху и стал нагревать ее спичкой на кухне. Вскоре раздался

очень громкий БУМ! Лежавший неподалеку парализованный кот, который пил только молоко и ходил под себя, подскочил, взвыл и стал носиться по квартире. После этого он еще прожил долгую и счастливую жизнь.

Однажды в нашей школе организовали хор. Было предварительное прослушивание под угрозой двойки по поведению за неявку. Музыкант нажимал клавишу на рояле и заставлял в резонанс тянуть о-о-о-... Всем он нажимал белые клавиши, а мне нажал черную. Я обиделся и петь отказался, сказав, что под черные клавиши я не пою.

Однажды в шестом классе я стал написать фантастический роман. Герои стартовали на космическом корабле и бороздили просторы вселенной. Они пролетели Луну, потом Марс, Юпитер, Сатурн... Когда они долетели до Плутона, мои знания вселенной исчерпались и роман закончился.

Однажды я выращивал арбуз. Маленький зеленый росточек я поливал пять раз в день, а потом где-то раздобыл большой мешок с химическими удобрениями. Каждое утро я втыкал в землю вокруг ростка большие, серые, отвратительно пахнущие гранулы и ждал, когда арбуз сравняется по размеру с моим велосипедом. Слава Богу, родители забрали меня с собой в санаторий на Черное море, и мне не удалось попробовать эту нахимиченную ягоду.

Однажды в музыкальной школе, куда по недоразумению меня записали родители, всех учеников по очереди попросили спеть песню. Я спел очень хорошо и громко. Старый и умный преподаватель послушал и мягко сказал, что я пою замечательно. Только почему-то с тональности на тональность перескакиваю два раза на каждой строчке.

Однажды школьником я сидел на лавочке с приятелями и рассказывал, что астрономия – это самая главная наука.

– Земля такая маленькая, – говорил я. – Не знать космоса – это как жить в маленьком домике в лесу и не знать, что в этом лесу творится.

Один из приятелей сказал, что, по его мнению, астрономия – это самая бесполезная наука.

– Вот давай выкинем астрономию, —предложил он, – и в нашей жизни ничего не изменится.

И все с ним согласились.

Однажды я болел и прочитал «Человека в футляре». Мне этот человек очень понравился. Я нашел у мамы кучу коробочек и разложил в них свое хозяйство. На следующий день я начал читать «Госпожа Бовари». И захотел стать женщиной.

Однажды я увлекся гидробиологией. Я мог целый час

сидеть у лужи, наблюдая, как жук-плавунец охотится за головастиками. Такие слова, как элодея, роголистник, паук-серебрянка, дафния звучали для меня как музыка. Мама с ужасом смотрела на вонючие банки с разной живностью, которые заполняли все подоконники. Она долго думала, как бороться с моим увлечением, и придумала: она купила мне книгу по истории ракетостроения. Через два дня все мои жуки и головастики перебрались в родную лужу.

Однажды я услышал радиопостановку о том, как парусный корабль плыл по Саргассовому морю, и моряки нашли там «живую воду». Под впечатлением от талантливой постановки я пошел в кухню и сделал литр живой воды. Она состояла из водопроводной воды, лимонной кислоты, сахара и фруктовой эссенции. Живая вода получилась вкусная, и я, как добрый мальчик, решил поделиться ею с золотыми рыбками, которые плавали у меня в трехлитровой банке. Рыбок спасла мама, которая пришла с работы и успела заменить живую воду на обычную.

Ракеты и штаб

Военный городок в казахской степи. По вечерам неподалеку взлетают ракеты, оставляя в черном небе огромный мерцающий хвост. Женщины сидят на лавочке и смотрят на хвост.

– Хорошо, когда наши ракеты летят.

– А вдруг к нам такая прилетит?

– Хоть напоследок атомный взрыв увидим.

– А у нас дома противогаз есть на такой случай.

Все соглашаются, что с противогазом жить спокойнее.

Нам не до ракет и противогазов. Нам надо строить штаб.

– Досок полно, молоток есть, надо гвозди достать, – говорит Юрка.

Юрка на год всех старше, у него в руке всегда что-то тяжелое. Так, на всякий случай.

– Нам бы ещё оружия, – это Сашка Высоцкий. – Без оружия у нас штаб отберут.

– Стройбатовцам всё пофиг, – говорит мудрый Юрка. – Они ничего не отберут и гвозди нам дадут.

Мы идем к строителям, заканчивающим очередной барак для семейных.

– У тебя сестра есть? – спрашивает меня ефрейтор в запыленной гимнастерке.

– У меня брат.

– Тогда бери гвозди из того ящика и вали отсюда.

Мы берем и валим.

– Я сделаю для штаба гиперболоид инженера Гарина, – мечтательно говорю я, когда первая стена уже готова. – В книжке чертеж есть, я отцовский ФЭД разберу, линзы приспособлю, будет получше, чем у Гарина.

– Влетит?

– Фотоаппарат в футляре, его никто не открывает. Футляр я трогать не буду.

Все соглашались, что пропажу никто не заметит и что наш гиперболоид будет охранять штаб лучше, чем пистолеты-самопалы.

Через неделю штаб был готов. На стену мы повесили военную карту – ее нарисовал Сашка на обратной стороне плаката «Не стой под грузом». На карте были обозначены все пусковые ракетные установки, аэродром, кинотеатр и наша школа.

– Карта секретная, её надо круглосуточно охранять, – сказал Юрка.

– Давай зашифруем названия, – предложил я.

Все согласились. Ластиком мы стерли слова «Ракетная установка», оставив одни буквы «Р».

– Все равно шпионы догадаются, – сказал Юрка. – Надо дописать «Редиска».

– А я редиску у бабушки в деревне ел, – сказал Сашка. – Горькая она.

– А с аэродромом что делать?

– «Арбузы» – это никто не поймет.

Карта преобразилась и стала зашифрованной.

– Все равно надо охранять, – сказал Юрка. – Как твой гиперболоид?

– Скоро будет готов, – ответил я.

Схема из книжки мне показалась слишком сложной. Угольных пирамидок я не достал, а попытка использовать куски угля из школьной котельной успехом не увенчалась. И где взять параболическое зеркало?

– А это что такое? – спросил Сашка.

Я нашел щепку и нарисовал на земле.

– У меня фара от грузовика есть, – сказала Сашка. – Пойдет?

– Нет, там дырка на самом важном месте.

– А если ее фольгой от конфеты заклеить? – предложил Юрка.

Я подумал и помотал головой. Конфеты и грозное оружие как-то не вязались между собой. Мы решили сделать гиперболоид попроще. Источником света служило солнце, а для фокусировки использовалась лупа. Чтобы смертоносный луч бил горизонтально, я использовал зеркало из маминого хозяйства.

– Где бы лупу достать?

Лупу стащил у родителей Сашка.

– Сильная вещь! – похвалил гиперболоид Юрка, потирая

обожженный глаз. — А ночью ты как врагов будешь убивать?

Мы подумали и решили на ночь уносить секретную карту домой.

Штаб у нас разломали через неделю. Оказалось, что мы его построили на месте, где собирались возводить новый барак. Секретную карту мы сожгли и стали думать, где бы найти пиратский клад.

Стенгазета

Нам с Валеркой поручили оформить стенгазету к 8-му Марта. Мы остались после уроков в пионерской комнате, нарисовали на куске ватмана «8-е Марта» и задумались.

– Нужны картинки красивых теток! – уверенно сказал Валерка.

– У нас дома полно, – вспомнил я стопку маминых журналов мод.

Мы пошли ко мне домой, и работа закипела. Через двадцать минут весь лист ватмана был заклеен вырезанными красавицами в красивых платьях и в пестрых кофточках.

– О, черт! – спохватился Валерка. – А где мы будем поздравление писать?

Для поздравления пришлось отодрать картинку с блондинкой в желтом свитере. Там удалось втиснуть короткое предложение: «Поздравляем всех женщин и учительниц с праздником!».

Большой телефон

Казахстан, далекие советские годы, ракеты, космос, мы впереди всей планеты.

На аэродроме жарко. Около домика с антеннами сидит солдат и ковыряется отверткой в большом зеленом ящике с телефонной трубкой. Мы, пацаны с ободранными коленками, с замиранием сердца следим за этим процессом. Наконец работа закончена. Солдат ставит ящик на землю и смотрит на нас.

– Ну что, хотите позвонить?

Мы растеряны. Звонить, в общем-то, нам некуда. Дома телефонов ни у кого нет.

– А в Москву можно позвонить? – робко спрашивает Юрка.

– Запросто, – говорит солдат. – Какой номер?

Юрка растерян. Номера он явно не знает. Зато знаю я, что все родственники у Юрки живут в Ростове-на-Дону, а не в Москве.

– Эх вы, салажата!

Солдат берет ящик и уносит его в домик с антеннами.

– Надо же, – восхищается Юрка, – прямо в Москву можно позвонить!

Полонез Огинского

Однажды меня записали в музыкальную школу.

– Мама, – спросил я, – а зачем мне там мучиться?

– Представь, – сказала мама, – теплый вечер, цветет сирень, луна, соседи пьют водку, а ты играешь полонез Огинского.

Однажды в Пушкино

Однажды мы переехали в «хрущевский» дом в подмосковном городе Пушкино. Нашими соседями была веселая, выпивающая пара. Он просто улыбался, а она любила выйти во двор и долго петь русские народные песни и арии из опер. По окончании концерта она раскланивалась и говорила, что она певица, а не шлюха, как... – тут она вставляла имена популярных на данный момент артисток. Все с ней охотно соглашались, и наступала тишина.

Однажды перед окончанием музыкальной школы моя добрая учительница сказала: «Володя, у тебя два уникальных качества: великолепный внутренний (?) слух и длинные пальцы. Музыкантом тебе не стать, но дирижер из тебя получится очень хороший». Я посмотрел на свои короткие пальцы и понял, что получил главный урок в своей жизни – урок доброты.

Однажды родители купили мне пианино. Вещь оказалась очень полезная. Когда я подросток, я стал прятать там пустые и полные бутылки.

Однажды родители продали мое пианино. И оно уехало в Тверь, громяхая разбитым стеклом и источая сладковатый

запах прокисшего шампанского и теплой водки.

Однажды, когда я учился в седьмом классе, во дворе нашего дома собралась большая компания местных пацанов. В руках у них были увесистые дубины, а некоторые хвастались заточками из напильников. «Куда это вы собрались?» – наивно поинтересовался я. Мне объяснили, что на танцы. Тогда я не понял, почему надо танцевать с заточками в руке.

Однажды приятели затащили меня в местный клуб на танцы. Лицо у меня было совсем детское, с глазами, не замухренными жизненным опытом. «Ой, смотри, дитё пришло!» – вдруг завопила одна раскрашенная девица и ущипнула меня за руку. После этого я две недели мял свои щеки, пытаясь создать на них мужественные морщины и складки.

Однажды мы пили ликер и играли в карты в пустой квартире, хозяйева которой уехали и легкомысленно оставили у нас ключи. Внезапно нагрянули активисты нашего подъезда, которые увидели свет в окнах. Бутылку мы успели спрятать, но ключей от этой квартиры я больше не увидел. Пришлось научиться открывать двери без ключей. Вы даже не представляете, как это просто!

Однажды мы сидели на лавочке и обсуждали, какая девчонка нашего двора самая красивая. Решили, что это Лилька

из четвертого подъезда. У нее было самое красивое пальто.

Однажды я пригласил на свидание самую красивую девочку из нашего класса. Я очень волновался и не знал, о чем с ней разговаривать. Я составил подробный план разговора. Решил начать с рассказа. Если она потом скажет то, я скажу это. Если она скажет это, я скажу то. Это был очень сложный план. Я его выучил и пошел на свидание. А она не пришла. Забыла!

Однажды я нечаянно обнял и поцеловал одну девчонку из нашего дома. На следующий день я получил письмо. В нем говорилось, что если у меня серьезные намерения, то мне надо прийти в определенное время в определенное место. А если я человек несерьезный, то мне никуда идти не надо. Я испугался слов «серьезные намерения» и не пошел.

Однажды в школе я увлекся ракетостроением. Мои ракеты с шипением уходили в серое небо и падали в болото около дома. Когда я вынес на испытание самую большую ракету, на нее обратили внимание местные пацаны. Они с гиканьем и воплями отправились сопровождать меня на место старта. По дороге к нам присоединялись все, кто был тогда на улице. Зрителей собралось около 50 человек. Я ужасно волновался, сделал ошибку, и моя ракета взорвалась на старте. Восторгу зрителей не было предела!

Однажды на спор я с места на одной ноге перепрыгнул через табуретку. Это увидел учитель физкультуры и сказал, что у меня большое спортивное будущее. Теперь будущее наступило, но оно не спортивное. Ошибся мой учитель.

Однажды в девятом классе нам устроили контрольную по физике. Тогда физику от химии я отличал с трудом и вместо контрольной предложил своему приятелю поехать в центр Москвы попить вина. На вино нам денег не хватило, но хватило на два билета в Третьяковскую галерею. Так я впервые соприкоснулся с волшебным миром искусства.

Однажды родители подарили мне магнитофон. Окна нашей квартиры выходили на улицу, поэтому я отправился к приятелю. Там мы открыли окно, выходящее во двор, поставили магнитофон на подоконник и стали окультуривать соседей американским роком на полную громкость. А сейчас я люблю тишину.

Однажды в девятом классе я сделал перед контрольной шпаргалку-гармошку. Успех был колоссальным! С тех пор я делал «гармошки» перед каждым экзаменом. Я даже в Америке экзамен по правилам дорожного движения сдавал с «гармошкой».

Однажды на уроке математики мы с Витькой стали считать, сколько дней нам осталось до пенсии.

– Чем вы занимаетесь? – спросил подошедший учитель.

Мы сказали.

– А високосные года вы учитываете?

– О, черт! – огорчился Витька. – Тогда мы точно не доживем.

Лазер в кармане

Однажды я сидел и учил химию. Раздался звонок в дверь – это пришел сосед Юрка.

– Слушай, – сказал он, – я тут со студентом-физиком выпивал, и он обещал научить меня, как самому сделать лазер.

– А на фига тебе лазер? – удивился я.

– Ты чо! – Юрка постучал пальцем по виску. – Представь, ты подходишь знакомиться к девушке, а у тебя в кармане лазер!

Пусть всегда будет солнце!

Класс у нас был дружный и громкоголосый. И все любили уроки пения.

Музыкального слуха почти ни у кого не было, но петь мы любили. Наш учитель, Николай Петрович, приходил с аккордеоном и торжественно объявлял, что мы будем разучивать сегодня. Слов обычно никто не знал, учитель быстрыми закорючками записывал на доске первый куплет с припевом, и мы начинали.

В конце апреля осваивалась песня «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо...». Окна были открыты, солнце заливало класс теплом и светом, настроение у всех было прекрасное.

Мы старались и пели очень громко. На одной ноте, но с воодушевлением. Нам и вправду хотелось, чтобы всегда было солнце. Николай Петрович с силой растягивал меха аккордеона, пытаясь хоть немного нас заглушить.

Я сидел около окна и видел, как внизу стали собираться люди. Они смотрели на наши окна, недоумевая, что там происходит.

Со стороны наш класс напоминал картину, где три десятка молодых львов собрались под деревом и жутким рычанием пытались испугать и заставить упасть на землю аккордеониста, сидящего на ветке. Аккордеонист в какой-то пред-

смертной тоске отчаянно играл, пытаясь привлечь внимание кого-нибудь, кто был способен разогнать голодных хищников.

Вдруг учитель резко прекратил игру.

Все смолкли и стали смотреть, как он вынул платок и, с грустью глядя на портрет Чайковского, начал вытирать лоб.

– Николай Петрович, что-то не так? – спросила в наступившей тишине Любка-отличница.

Учитель положил платок в карман и вздохнул.

– У меня к вам одна просьба. Поете вы громко, но... не совсем правильно. Вы поете «пусть сИгда будет соНЦе», а надо «пусть ВСЕгда будет соЛНце».

– Только и всего? – обрадовались мы. – Так это... это за-просто... как нечего делать!

И мы грянули песню сначала, не дожидаясь аккомпанемента.

На перемене Витька, мой сосед по парте, сказал:

– Слабоваты нервишки у нашего певуна. Ему надо к нам на урок рисования прийти. Пусть он у Дмитрича поучится, как, несмотря на наши таланты, до пенсии дожить.

Осень в школе

Любовь

Первое сентября. Светит солнце, тепло, я иду в школу и радуюсь, что снова увижу двух девочек из нашего класса, в которых я влюблен. По дороге встречаю другую одноклассницу и тоже в нее влюбляюсь.

Улыбки

Все учителя умыты и красиво причесаны, женщины в белых блузках, необычайно приветливы. Они даже радуются встрече с нами, улыбаются. Пока улыбаются...

Учебники

Первые уроки, новые предметы. Листаю учебник – так интересно, сколько я узнаю в этом году! Листаю дальше... А ведь это все учить придется... Листаю дальше... Да, а канikuлы все-таки лучше!

Воробьи

В классе мое место возле окна. Я смотрю в окно и вижу на клене стайку воробьев. Сажу и думаю о воробьях. Мои мысли прерывает учительница: «Дараган, куда ты смотришь?». Я показываю ей на воробьев. Теперь туда смотрит весь класс.

Надо читать

Первый урок литературы. На лето нам дали список книг для чтения. Эти книги я не читал. Я даже список книг не читал. Сразу портится настроение – а вдруг спросят? Попросили поднять руки тех, кто все прочитал. Подняли двое. Настроение улучшилось.

Старый

Урок физкультуры, прыжки в высоту. Я прыгаю «ножницами» 150 см. Подходит учитель и советует мне идти в секцию. Потом думает и говорит, что уже поздно. Я уже старый для большого спорта.

Алгебра

Октябрь, пасмурно, идет дождь. В классе зажигают свет. На доске нарисованы параболы, изучаем квадратные уравнения. Тоска смертная! Тоска исходит от самого учителя, который, наверное, эти квадратные уравнения ненавидит... а $x^2 + 6x + 9$... Сосед по парте рисует голую женщину в тетрадке. Женщина получилась некрасивой, но я не критикую, у меня и так не получится. Дождь за окном продолжается.

Практика

Производственная практика на телефонной станции. Нам

рассказывают о шаговых искателях. Зачем мне надо знать о шаговых искателях, я не понимаю. Сосед тычет меня в бок и говорит, что если взять телефонную трубку с проводами, то можно куда-то подсоединиться и слушать чужие разговоры. Я зеваю. Зачем мне надо слушать чужие разговоры, я тоже не понимаю.

Любимый урок

Урок экономической географии, мой любимый. Учительница всегда весела и энергична, она умеет рассказывать о горно-обогатительных комбинатах, как о далеких галактиках. Я просыпаюсь, слушаю ее с открытым ртом, ничего не запоминаю, но слушаю с удовольствием.

Мне рассказали

Однажды в школе староста класса полюбил одноклассницу. Он вздыхал, его мысли были заняты только ею. После уроков было собрание. Все уже собрались, но его девочка опаздывала. Учительница спросила старосту, почему он не начинает собрание. «Так ведь никого еще нет!» – удивился староста.

Первое сентября

Я всегда обожал первое сентября в школе. Чистые тетради, новые учебники, внушающие уважение моей головушке, которая все это узнает, запомнит и забудет.

После каникул

Веселые одноклассники, радующиеся окончанию городской летней скуки. Девчонки за лето похорошели, и мы стараемся им соответствовать. Я прыгаю через стул, потом Бердянов за ножку этот стул поднимает, Сысоев десять раз отжимается на одной руке. Девчонки на нас не смотрят. Они собрались в кружок около окна и щебечут о чем-то, почти взрослом. До меня доносится:

– Ага, не ревнует и не следит. Нагнулся за кустами, а жопа торчит.

– На уроке я туфли буду снимать. Мне только мозолей не хватает.

– А ко мне в автобусе старый козел прижимался...

Пуговка

Учителя напоминают, что мы учили в прошлом году. В классе жарко. Биологичка растянула кофточку на одну пуговку больше, чем обычно. Наше внимание приковано к этой пуговке.

Электричество

Физик рассказывает про статическое электричество.

– Эбонит! – повторяет за ним Бердянов.

Все смеются.

Станешь красивой

На урок анатомии принесли скелет.

– Красивый какой, – говорит сидящая сзади Томка. – Худенький!

– Поживешь и тоже такой красивой станешь, – философски заявляет мой сосед Витька.

Томка бьет Витьку учебником по голове.

Масштаб личности

Учитель литературы рассказывает о вечерах Маяковского в Политехническом музее. В классе тишина, прерываемая хихиканием.

– Это учить не надо, – говорит учитель. – Это для представления масштаба его личности.

Я не понимаю, почему грубые хохмочки Маяковского показывают его масштаб, но слушаю с интересом.

Физкультура

На первый урок физкультуры никто не принес форму. Нас рассаживают в спортивном зале и читают лекцию о правиль-

ном образе жизни.

– Спорт – это не только поездки за границу и модные тряпки. Это еще и работа. Появилась свободная минутка – сделай пять приседаний. Устал делать уроки – сделай километровую пробежку. А с гантелями мужчина вообще никогда не должен расставаться.

– Это как? – не понял Витька.

– Вот ты сидишь, скрючившись, решаешь задачи по какой-нибудь алгебре, а гантели должны лежать рядом со стулом.

– Это поможет, – кивает Витька.

О чем говорить по телефону

Мы с родителями въехали в новый дом, и я первым делом пошел во двор с кем-нибудь познакомиться и узнать, какая тут компания и чем они занимаются. У подъезда на лавочке сидел Юрка – его я знал раньше, поэтому знакомиться было не надо.

– Привет! А почему никого больше нет?

– Дома сидят, в окошки смотрят, как буржуи.

Я и правда заметил, что на нас смотрят несколько пар девичьих глаз, слегка замаскированных занавесками. Почему они смотрели, как буржуи, я не понял, но Юрка был старше, и я ему верил. Девицы меня не интересовали, я сел рядом и стал ждать развития событий.

– Мне никак стол не купят, – пожаловался Юрка. – Уроки делаю на кухне.

– А я на подоконнике, – сказал я. – Мне тут купили набор «Юный связист», и я на подоконнике собрал два телефона. Они звонят, и можно разговаривать.

– Ух ты! – сказал Юрка. – А давай между нашими квартирами связь проведем.

Сказано – сделано! У нас с ним все быстро получалось. Вскоре я сидел у окна, прижимал трубку к уху и нажимал кнопку вызова. Вторым ухом я слышал, как из Юркиной квартиры доносятся трели звонка.

– Аллё! – наконец услышал я. – Ты меня слышишь?

– Ага, а ты меня?

– Слышу.

– Теперь будем звонить друг другу. Позвони теперь ты.

Я положил трубку на рычаг и стал ждать звонка. Звонок был громкий, но это меня радовало. Его можно было услышать даже из ванной.

– Аллё, вроде связь нормальная.

– Ага!

Мы замолчали. Беседовать больше было не о чем. Никаких событий не происходило, а говорить об уроках было запаadlo.

Телефоны постояли еще несколько дней, потом мы вынули из них батарейки, которые понадобились для фонариков. Фонарики были нужны по вечерам, когда мы лазили на соседнюю стройку за карбидом. Куски карбида мы бросали в лужи и смотрели, как здорово они пускали пузыри.

Прошло несколько лет, нам поставили настоящий телефон. Я поделился радостью со своей девушкой, сказав, что теперь мы сможем с ней легко договариваться о встречах. Заодно я рассказал про наш с Юркой телефон, и про то, как мы не знали о чем беседовать.

– Это не проблема, – сказала девушка. – Я тебя научу.

Уроки оказались простыми и понятными. Уже через неделю я часами сидел с трубкой в руках и что-то лепетал в свое оправдание. Я даже не представлял, насколько разнообразна

может быть моя вина! Я был виноват в том, что не позвонил, когда она ждала моего звонка, или меня не было дома, когда звонила она. Я всегда говорил не те слова или не с той интонацией. Меня неизвестно где носили черти в то время, когда нужно было позвонить и сказать «спокойной ночи», ведь это так просто позвонить и сказать «спокойной ночи», когда ей грустно и она сидит одна, глядя в темное окно. И где я был в тот момент, когда она пошла в магазин и потом оттуда одна тащила две огромные сумки? И почему я всем по телефону решаю задачки по математике, а вот когда ей понадобилось разобраться в простейшем уравнении, то мой телефон был занят?

Да, я был виноват во всем, и прощения мне не было. Я являлся постоянным источником плохого настроения моей девушки. Я просыпался, лежал в кровати и чувствовал, что с каждой минутой становлюсь все больше и больше виноватым. Но иногда ко мне в голову закрадывалась крамольная мысль, что если бы у нас не было телефонов, то я бы делал меньше промахов.

А может, я был бы даже счастливым? Хотя такого, наверное, никогда не будет. Телефоны не запретишь, и стоит только поднять трубку...

Лестница

Я обожал лестницу в нашем новом доме. Площадки были выложены красивыми розовыми керамическими плитками, углы которых соединяли вишневые плитки поменьше. А какие были перила! Блестящие, гладкие, покрашенные в кирпичный цвет. По ним было так замечательно катиться вниз, чем я и занимался каждый день по несколько раз.

А однажды ко мне в гости пришли два одноклассника, одного из них звали Витя. Мы сидели на лестнице, и они расспрашивали меня о девочке Оле, которая жила на первом этаже. Потом один из них взял ножик и нацарапал на перилах «Витя + Оля».

– А чему это равняется? – спросил я.

– Пока не знаю, – ответил он.

– Ты зря это тут написал, – сказал я. – Она ведь на первом этаже живет и сюда не ходит.

– А вдруг она захочет к тебе прийти! – сказал одноклассник, убирая ножик. – Пройдет, прочтает и повернет назад.

Прошло несколько лет, и в подъезде начали делать ремонт. Надпись «Витя + Оля» была кое-как замазана, и только я мог найти и прочитать ее.

А девочка Оля ко мне не приходила. Она вышла замуж за парня по имени Витя. Но это был другой Витя.

Однажды в Пушкино – 2

Однажды в девятом классе мы с приятелем стали планировать самостоятельное путешествие на Черное море. План был простой: неделю загорать, чтобы стать красивыми, а потом познакомиться с девушками. В плане был только один изъян. Основательно проанализировав картинки журналов мод, мой приятель хотел знакомиться только с девушками из Эстонии, а я с француженками.

Однажды в школе я стал тренировать память и выучил наизусть «Демона» Лермонтова. А через неделю забыл.

Однажды я сидел дома, когда по радио передавали комсомольские песни. Через полчаса я захотел все бросить и поехать на какую-нибудь сибирскую стройку. Остановило только то, что военкомат снял бы меня прямо с поезда. До начала строительства.

Однажды я окончил музыкальную школу, и собрался идти на прощальный вечер. Узнав об этом, мой приятель сказал, что пойдет со мной. «Что ты там забыл?» – удивился я. – Ты ведь ноту «до» от скрипичного ключа не отличаешь». «А ты зато ничего не понимаешь в девочках из музыкальной школы!» – ответил приятель.

Однажды в Пушкино поставили памятник борцу с детской беспризорностью. Худой мужчина в шинели обнимал за плечи такого же худого, взъерошенного мальчика. Мимо памятника торопливо шла мамаша и тащила за собой пятилетнего мальчугана. «Мама, – спросил мальчик. – А кому этот памятник?». «Ленину!» – ответила спешащая мама. «А рядом кто?» – не унимался мальчик. «Карл Маркс!» – сказала мама и потащила мальчика дальше.

Однажды я приехал на каникулы к бабушке и дедушке. Я уже был большой, и дедушка впервые решил поговорить со мной, как со взрослым. «У тебя физкультура в школе есть?» – спросил он. «Ну да, конечно!» – ответил я. «Это самый главный предмет! – сказал дедушка. – Я вот физкультурой не занимаюсь и вчера из лодки на берег не смог выпрыгнуть».

Однажды я решил, что у моего приятеля плохо с логикой. Мы были напарниками по игре в карты, и он шепнул, что может сдать мне королей.

– А тузов не можешь? – спросил я. – Если можешь королей, то тогда можешь и тузов?

Оказалось, что с логикой плохо у меня. Приятель чуть обрезал правые края у карт с королями, поэтому он мог их выделить. А с тузами он не успел ничего сделать.

Однажды перед выпускным вечером в школе я поехал с родителями в магазин покупать туфли. Директором магазина был наш знакомый, и он поинтересовался, кем я собираюсь стать. Узнав, что я хочу быть физиком, знакомый поморщился и сказал, что он уже старенький и долго не сможет помогать мне покупать хорошую обувь.

(Эту миниатюру уже не понять тем, кто вырос после СССР).

Картинки из памяти

Жадный

Шестой класс, идет урок математики. Передо мной сидит самая красивая девочка в классе. У нее короткие темно-русые волосы, и от нее всегда пахнет чем-то вкусным и загадочным. Когда она на меня смотрит, то мое горло пересыхает. Она поворачивается и просит резинку. Резинка лежит передо мной на парте, но я не могу вымолвить ни одного слова. «А я не знала, что ты жадный!» – говорит она.

Пинжак

Зима, холодно, привокзальная площадь у маленькой станции около Загорска (Сергиева Посада). В магазине «Вино-Воды» у входа мокрая тряпка, на полу грязные лужи. В очереди местная женщина неопределенного возраста с заплаканными глазами говорит другой: «Куплю своему оболтусу пинжак и белу рубаху – теперь это модно. Мне – две красного! (это уже продавщице). Может, пить меньше будет!».

Кинг

Пляж в Пушкино. Солнце припекает, хочется пить. Мы с пацанами сидим на одеяле и играем в кинга. Выигравшие идут купаться. Проигравшие сначала сидят в расстройстве, а потом тоже идут купаться.

Первая вечеринка

Восьмой класс, первая вечеринка без родителей. Девчонки сидят на диване и стульях. Мальчишки столпились вокруг радиолы и рассматривают пластинки. На столе стоит бутылка вина, пустые стаканы и ваза с апельсинами. Никто не решается открыть бутылку. Пригласить девочку на танец тоже неловко. Хочется уйти домой, но что-то внутри волнует и удерживает. И непонятно, о чем надо разговаривать.

Хорошо-то как!

Летний вечер у реки. Тепло и тихо, только вдали квакают лягушки. Темные силуэты деревьев загораживают часть звезд, но Млечный путь виден ясно. Над дальним берегом восходит луна, на реке появляется мерцающая серебристая дорожка. Я стою на берегу и вдыхаю свежий воздух, пахнувший водой и цветами. К реке подходят двое. Они сначала молчат, потом доносится женский голос: «Ой, бя! Хорошо-то как!». И речка снова окутывается тишиной.

Фразы на уроках

Химия

– У нас с вами первый урок по химии. Химия – это основная наука. Оглянитесь вокруг – все сделано с помощью химии. Но у меня сейчас другой вопрос. Кто поставил на кирпичи мой «запорожец»?

Физика

– Скоро у вас экзамены. Давайте рассмотрим задачу на повторение. Ты улыбаешься потому, что задача слишком легкая, или потому, что у тебя соседка очень красивая?

Литература

– Что это у тебя? Шпаргалка-гармошка? На все произведения русской литературы одна шпаргалка? А, на «Войну и мир» у тебя отдельная! Ну ладно. Я тебе и Конькову хочу дать совет: на экзаменах в вашем физтехе не выбирайте тему по русским классикам. А по советским – тем более. Вы уж что-нибудь там на вольную тему про советского человека в космосе или во льдах Арктики.

Математика

– А ведь из тебя ничего путного не получится! Ты вроде как решил все задачи, но в каждой сделал арифметическую

ошибку. Тебе впору в первый класс идти.

Пение

– Вот вы, великолепная семерка, вы на сцене рты открывайте, но ни в коем случае не пойте!

Рисование

– А ну-ка, вот ты, иди к доске! Нарисуй нам круг и... Что это!?! Представь, что у тебя дети, и они просят тебя нарисовать круг. А ты им что нарисуешь? И какой из тебя будет воспитатель?

Физкультура

– Какая у тебя любимая беговая дистанция? Неправильный ответ. Ты прыгун в высоту и должен любить бегать на 100 метров. Вот встал утром, пробежал 100 метров, и день прожит не зря.

География

– Да, Америка не такая большая, если присмотреться к глобусу!

Астрономия

– Малая Медведица, как бы наливает в Большую Медведицу. Что наливает? Ну что у нее есть, то и наливает.

Немецкий язык

– Ваша задача к экзамену – научиться читать с выражением, как будто вы понимаете, о чем идет речь!

Доска

Мы с приятелем идем вдоль дома, на котором висит мемориальная доска. На доске написано, что тут или жил, или бывал какой-то пламенный революционер. Приятель останавливается, внимательно читает надпись, потом достает из кармана ключи и царапает на кирпичной стене слово из трех букв.

– Это еще на фига? – спрашиваю я.

– Про меня такую доску не повесят, а так хоть какая-то память останется, – говорит он.

Часть 3. Студенты

Инженер-физик (повесть)

Юрка и шахматы

– Ты знаешь, сколько получает чемпион мира по шахматам? – спросил Юрка.

– Сколько?

Юрка назвал цифры, которым я не поверил. Попытался сравнить эти цифры с зарплатой моих родителей и не поверил еще больше.

Юрка сидел на софе и поглаживал коленкор обложек двух толстых серых книг. «Избранные партии Алехина» прочитал я на обложке.

– Алехин – это кто? – поинтересовался я.

– Чемпион мира, – ответил друг.

– И он тоже столько получает?

– Он уже умер. Но, наверное, получал немало.

– Погиб на рабочем месте?

– Почти. Я вот решил стать чемпионом мира по шахматам, – серьезно сказал Юрка.

– Я тоже хочу таким стать, – сказал я, вспомнив зарплату чемпионов.

– Чемпион может быть только один, – Юрке явно не по-

нравилось мое желание. — Ты можешь быть только вице-чемпионом.

— А вице-чемпионы хорошо зарабатывают?

— Я думаю, что неплохо, — утешил меня Юрка.

Юрка и шахматы — это казалось несовместимым. Он был старше меня на год, у него уже были женщины, он мастерски играл в карты и пил водку как взрослый. Еще совсем недавно мы с ним планировали поехать на Черное море, где он обещал научить меня разговаривать с красивыми девушками. По вечерам мы записывали в толстую тетрадку всякие шутки и умные мысли, чтобы не ударить в грязь лицом на сочинских пляжах. Бедные девушки и не подозревали, какое мощное интеллектуальное оружие было заготовлено в наших головах. Узнав о наших планах, мама купила мне красивую рубашку, которую я убрал в шкаф и решил к ней не прикасаться, пока билет Москва-Сочи не будет у меня в кармане.

Шахматы явно ставили крест на наших планах. Юрка перестал приходить ко мне по вечерам. Он сидел за шахматной доской, двигал фигуры, заглядывал в книги и быстрыми шагами шел к своей цели. Корона чемпиона мира почти сверкала на его голове.

— Я вот что решил, — сказал Юрка через неделю. — Тут всяких дебютов напридумывали, сам черт голову сломит. Я выучу только два, но очень хорошо. Черными я буду играть «французскую защиту», а белыми — «английское начало». Я

посмотрел, там ходы простые, и половину я уже выучил.

Я листал книгу по дебютам и понимал Юрку: в школе стихотворение «Мцыри» толком не выучишь, а тут страницы за страницами. До этого мы с ним съездили в букинистический магазин, откуда я привез стопку книг, на страницах которых были нарисованы шахматные доски. Касабланка, Чигорин, Ботвинник, Петросян – эти люди вошли в мою жизнь и на время затмили приятелей, которые махнули на нас с Юркой рукой. Теперь вечерние драки с новодеревенскими обходились без нашего участия. Я выучил первые пять ходов всех дебютов и научился избегать «детского мата». Дальнейший прогресс немного затормозился, но для будущего вице-чемпиона мира по шахматам и это было неплохо.

Юрка записался в шахматную секцию при Дворце пионеров имени Зои Космодемьянской на Большой Полянке и скоро получил разряд. Он показал мне серую справку, подтверждающую это важное событие, и сказал, что до матча на первенство мира ему оставалось совсем немного. У меня разряда не было. Моя задача была скромнее – научиться не проигрывать Юрке ферзя на десятом ходу. Юрка не хотел со мной играть. Он говорил, что после пятого хода я играю не по книжкам и он теряет со мной квалификацию. Я пытался подглядывать в справочники во время игры, но Юрка сказал, что вице-чемпионы должны все помнить наизусть. Ужас какой-то! Я снова засел за книги и выучил уже не пять,

а семь ходов всех дебютов.

Родители увидели мои книги и купили новые шахматы. Фигуры у этих шахмат были большие и пахли лаком, который застыл каплями на шершавой поверхности, пряча многочисленные занозы. Шапочки у ферзя и короля быстро отвалились и потерялись. Это сначала меня расстроило, но потом я даже обрадовался. Я уверенно различал короля и ферзя даже без шапочек, чего нельзя было сказать про папу, который их все время путал, что позволяло мне ставить ему неожиданный и красивый мат.

А Юрка продолжал удивлять шахматный мир. С двумя выученными дебютами он уже получил второй разряд. Я выучил по десять ходов всех дебютов и около пятнадцати ходов «испанской партии», которую решил взять на вооружение. После этого я попытался сыграть в турнире, который был организован во Дворце пионеров. Юрка тоже снизошел до этого турнира. Там он блистал, как бриллиант, потерянный на сочинском пляже, куда мы так и не попали. Перед началом турнира наши приятели умылись, положили кастеты в карманы и отправились нас сопровождать. Мы с Юркой сидели за досками и двигали фигуры. От волнения я забывал нажимать на кнопку часов и удивлялся, почему мой противник так долго думает. Наши приятели притомились ждать в коридоре, они стали заглядывать в игровой зал и даже подходили к нам, демонстрируя мускулы нашим противникам. После этого мой противник стал вежливо нажимать кнопку

часов, когда я забывал это делать, и один раз не нажал свою кнопку, позволив мне обдумать гениальный ход.

Не выиграть с такой поддержкой мы не могли! Наши пацаны пожали нам руки и сказали, что с такими хлюпиками, как наши противники, они бы справились минут за пять. Но и мы тоже не уронили славу нашего двора, и по этому поводу решено было как следует выпить.

Я не помню, что и сколько мы тогда пили, но помню, что в тот вечер я открыл книгу Даниила Гранина «Иду на грозу», и шахматы стали постепенно исчезать из моей жизни.

Секретная лаборатория

– Ты дельную книгу читаешь, – сказал Юрка, показывая на учебник по неорганической химии для студентов сельскохозяйственных институтов, лежащий у меня на столе. – Тут у нас с пацанами идея появилась, и твои знания сейчас очень нужны.

После книги «Иду на грозу» я решил стать физиком. Перед тем как заснуть, я представлял себя стоящим у доски с написанными формулами. Я говорил что-то умное, и седые ученые, открыв рты, слушали меня, еле удерживаясь от аплодисментов. Книг по физике дома не было, но я где-то раскопал учебник по химии и часами мог его листать, разглядывая картинки с колбами и ретортами. Физика мне так и представлялась: много стеклянной посуды и красивые разноцветные жидкости. Текст я не читал, мне вполне хватало карти-

нок.

— Мы вчера сидели на лавочке и придумали, как можно быстро разбогатеть, — продолжил Юрка. — Ты представляешь, сколько денег лежит в телефонах-автоматах в конце дня?

— Нет, не представляю, — пробормотал я, не понимая, какое отношение имеет неорганическая химия к телефонам-автоматам.

— Рублей по 30—40 набегает! — торжественно сказал Юрка. — Если мы научимся вынимать копилки, то скоро разбогатеем! Но сзади у автоматов есть тревожная кнопка. Снимать его со стенки нельзя. Нужно придумать такое вещество, которое растворит стенку автомата и откроет копилку.

Я представил себе нашу компанию темной ночью с банкой растворителя в руках и с ножами в карманах. Мы и без банки выглядели устрашающе, а если с банкой... Но потом мне в голову пришла гениальная мысль.

— Это все можно сделать, но нужна лаборатория. Секретная лаборатория!

И дело завертелось. В подвале нашего дома были маленькие клетушки, сколоченные из досок. Там жильцы хранили картошку и квашеную капусту. Мы нашли свободный уголок, с ближайшей стройки стащили доски, и скоро вся наша компания стучала молотками, строя лабораторию. С особой любовью сооружался топчан для отдыха молодых ученых. Его тщательно испытывали на периодические нагрузки,

украсили красной бумагой и повесили над ним картинки девушек в купальниках – для отдыха усталых глаз исследователей. Лабораторный стол для опытов тоже подвергся суровым испытаниям. Было установлено, что он запросто выдерживает несколько бутылок, стаканы и пару банок рыбных консервов.

Наконец, лаборатория была готова. Мы провели туда свет, я принес учебник по неорганической химии, пацаны скинулись, и я отправился в магазин химреактивов на Никольской улице (тогда 25-го Октября) для закупки оборудования.

– Мальчик, зачем тебе два литра серной кислоты? – спросила продавщица.

– Мама попросила, тараканов надо травить, – нашелся я.

Такой ответ ее полностью удовлетворил. Банки с кислотами и щелочами встали на полку. Все это напоминало игру в дочки-матери. Мы слишком долго строили «домик», то есть лабораторию, а когда все было готово, стало непонятно, что делать дальше. Пацаны сидели на топчане и смотрели, как я смешиваю кислоты и щелочи. Иногда смеси шипели и брызгались во все стороны, это вызывало у присутствующих неописуемый восторг. Я рассказывал им про строение вещества, про мир молекул, пацаны согласно кивали и просили еще раз сделать так, чтобы шипело.

Однажды Юрка пришел ко мне с перевязанным глазом.

– Понимаешь, – сказал он. – Мы без тебя решили провести эксперимент, смешали кислоту с пивом, а она как брыз-

нет!

Глаз Юрке спасли, но после этого случая исследования стали затухать, потому что пацаны придумали новый способ обогащения – стали спекулировать билетами на футбольные матчи. Это история интересная, но к физике она не имеет никакого отношения.

Ближе к физике

После окончания работы в «секретной лаборатории» я решил повысить свой образовательный уровень. В районной библиотеке взял книжку по теории относительности Эйнштейна, прочитал ее, не понял ни одного слова, но книжка мне все равно понравилась. Она еще долго лежала на моем письменном столе, и рядом с ней я чувствовал себя умнее.

На уроках математики был тихий ужас. Занятия спортом, гулянье по темным улицам и распивание водки на лавочках не пошло на пользу математическим наукам. Как я умудрялся ускользать от двоек на контрольных – осталось загадкой! Каким-то чудом я «решал» тригонометрические уравнения, не зная, чем синус отличается от тангенса. Но при этом гордо посещал «математический» кружок. В нашей школе его вел зачуханный студент Бауманского института. Студент что-то бубнил у доски про тройные интегралы и производные векторов, я записывал длинные формулы и чувствовал себя полным идиотом.

Думаете, меня это огорчало? Ничего подобного! В это

время я разрабатывал прибор для подслушивания разговоров. Это, как я сейчас понимаю, был микрофон направленного действия. У меня появился учебник физики для студентов медицинских вузов, и оттуда я старательно переписывал в свой блокнотик формулы по акустике. В этих формулах я ничего не понимал, но такое священнодействие мне очень нравилось.

Однажды ко мне пришел Юрка, посмотрел на длинную трубу, которую я склеил из картона, и спросил, что это такое.

– Это прибор для прослушивания сквозь стены, – гордо сказал я.

– Фигня все это! – сказал Юрка. – Кроме шума воды в ванной ты ничего не услышишь. Вот если бы ты сделал прибор, чтобы смотреть сквозь стены, то это было бы открытие. Тут напротив такая девочка поселилась...

На этом разработка прибора для подслушивания была остановлена.

Родители узнали про мое увлечение физикой и хвастались этим нашим гостям. Гости, отставные военные, вздыхали и говорили, что сейчас лучше заниматься торговлей.

– Ты только представь себе, – говорили они, – ты становишься заведующим обувным отделом в ГУМе.

При этом гости закатывали глаза.

Потом я увлекся радиотехникой. Тогда это было поваль-

ным увлечением даже среди отпетых хулиганов. На лавочке шли разговоры об усилителях, ваттах, резисторах и транзисторах. Однажды мы нашли на помойке сгоревший радиоприемник, разобрали его на детали и потом долго обсуждали: повредил ли огонь конденсаторы? Самые продвинутые что-то паяли. В основном делали коротковолновые приставки к радиоприемникам «Спидола», чтобы слушать «Голос Америки» на волнах, где не работали глушилки.

До такого уровня я не поднимался. Мое увлечение радио заключалось в основном в созерцании телевизора с открытой задней стенкой, где было много красивых проводов, конденсаторов и ламп. Я вдыхал запах разогретой пыли и чувствовал свою причастность к современной электронике.

Однажды в мае мама пришла с родительского собрания, села возле моего стола и вздохнула.

– Математик боится, что ты не сдашь выпускной экзамен, – сказала она. – Физик говорит, что больше тройки в аттестате не получишь. А я так хочу, чтобы ты поступил в институт.

– Да выучу я эти синусы! – твердо пообещал я.

– Это замечательно, – произнесла мама и добавила: «Математик порекомендовал мне хорошего репетитора. Это учительница на пенсии, и я уже с ней договорилась».

До поступления в институт мне оставался один год.

Репетиторы

Мы сидели на маленькой застекленной веранде за круглым столом. На белой скатерти стояла ваза с цветами, а за окном шелестели листья старой яблони. Репетиторша была пожилая, но веселая, подвижная и от нее вкусно пахло мылом. Она даже была привлекательна, что я незамедлительно сообщил Витьке, моему соседу и однокласснику, которому тоже грозили двойки по математике.

– Так, молодые люди, – сказала репетиторша, – для начала я хочу ознакомиться с вашим уровнем знаний.

Она написала что-то на листочках и протянула их нам.

– Попробуйте решить эти уравнения, – сказала она, улыбаясь.

Я посмотрел на синусы и логарифмы и стал делать из листочка самолетик.

– Это лучшее, что я могу сделать с этим листиком, – пояснил я, увидев удивленный взгляд репетиторши.

Мы занимались три месяца по два раза в неделю. За это время мы прошли весь школьный курс математики, начиная с первого класса. К концу лета я уже не вздрагивал при слове «логарифм» и лихо рисовал в тетрадке пирамиды, внутри которых находились сферы.

– По идее, я все уже знаю, – сказал я, когда мы расставались с репетиторшей. – Большое вам спасибо!

– Никогда не употребляй этих слов! – возмутилась та. – По какой такой идее?

– В принципе, мне на уроках математики уже делать нечего, – попытался исправиться я.

– В каком принципе? – схватила за голову репетиторша. – Володя, тебе обязательно нужен репетитор еще и по русскому языку!

– Мне сначала надо физику раздолбать, – растерялся я.

– Ну, успехов тебе... в раздолбании, – обреченно произнесла репетиторша, и мы расстались.

– Витька, – сказал я, когда мы возвращались домой. – Что-то надо с физикой делать. Я теперь понимаю, что ничего про нее не знаю.

– Фигня! – уверенно произнес друг. – У меня сестра в Подлипках в «королёвской» фирме работает, и она уже нашла репетитора: парень физтех закончил, траектории ракет рассчитывает, будет нас учить.

– А зачем нам рассчитывать траектории ракет? – не понял я.

– Завтра мы к нему идем, – проигнорировав мой вопрос, сказал Витька.

Мы сидели за столом в однокомнатной квартире Витькиной сестры. Сестра тихонечко копошилась на кухне, периодически с испугом поглядывая на процесс учебы. Парня звали Володей. Он был высок, в очках и никогда не улыбался.

– Я не буду вам рассказывать теорию, – начал он. – Теорию каждый дурак может в учебнике прочитать. Мы с вами будем

решать задачи. У меня есть сборник задач со вступительных экзаменов в МФТИ, и мы его весь прорешаем. Если после этого вы не поступите в институт, то, значит, вы годитесь только для мытья туалетов.

Спесь, которая появилась у меня после окончания занятий по математике, слетела через пять минут. Володя дал нам простейшую задачу о лодке, которая плывет через речку, и ее сносит течением. Мы с Витькой пыхтели, писали какие-то формулы и чувствовали, что наша карьера закончится в общественном туалете.

Володя терпеливо наблюдал за нашими потугами, потом взял чистый лист бумаги и стал аккуратно рисовать схемы и писать уравнения.

– Задачи по физике сильно отличаются от задач по математике, – сказал он. – Тут знания формул недостаточно, нужно представлять физическую картину события и чувствовать ответ.

После занятия мы с Витькой ехали в электричке и долго молчали.

– Ну и что? – спросил я.

– Я ничего не понял! – честно признался Витька. – Он ничему нас не научит. Я могу представить картину Репина «Приплыли», а физической картины представить не могу. Надо искать другого репетитора.

Другой репетитор преподавал в каком-то вузе. Мы долго ждали его в прихожей маленькой грязноватой квартиры. Он

опоздал на час. Толстый, потный и безмерно усталый. Репетитор заварил себе чай, сел за стол и стал с бешеной скоростью рассказывать нам про полет снаряда. Мы что-то записали, отдали ему деньги и ушли.

– Я хочу вернуться к Володе, – сказал я.

Через пять занятий я влюбился в Володю. Я перенял его манеру держать карандаш, писать номера страниц в углу листочков и обводить эти номера кружочками. Мне нравилось его спокойствие и доброжелательность. Занятия часто прерывались – Володя ездил в Байконур на запуски ракет. После Нового года занятия стали настолько редкими, что мы их прекратили.

Но он научил нас физике! Мы не успели пройти с ним электричество и оптику, но это было неважно. Я перестал бояться задач, где нужно было представлять физическую картину события.

Но самое главное – Володя научил нас чувствовать ответ! Мы смотрели на окончательную формулу и понимали, что она правильная. Или неправильная. И еще мы научились пренебрегать несущественными эффектами. Это называлось физическое мышление, и эти навыки прошли со мной долгие годы. Даже когда я во время перестройки работал таксистом, или писал программу по анализу Библии, то чувствовал, что я физик. Нацеленность на конечный правильный результат и отбрасывание мелочей – это полезно в любой работе. Спасибо тебе, Володя!

И еще большое спасибо той старой учительнице. Я забыл, как ее зовут, но до сих пор помню все формулы тригонометрии.

Хроника последнего года в школе

Декабрь. Я всегда не любил уроки математики. Раньше потому, что ничего не понимал. Теперь я много знаю и мне скучно. Под стук мела по доске я начинаю засыпать.

– Дараган, о чем ты думаешь? О логарифмах, надеюсь?

– Да, Евгений Николаевич! О них, любимых!

– Ну и чему равен десятичный логарифм от ста?

– Двум.

Сзади меня толкают.

– Вовка, ты чо сегодня такой умный? С утра съел чего?

– Ага, учебник по математике... с чаем!

Сзади хихикают.

Январь. Пытаюсь решать задачки с математических олимпиад. Не могу решить ни одной. Все формулы знаю, все понимаю, но решить не могу! Вынул закладку из «Справочника для поступающих в вузы» – закладка была на странице МФТИ.

Мама говорит, что Институт химического машиностроения, который она закончила, тоже очень хороший.

Февраль. Устроил себе письменные экзамены по физике

и математике. Поставил перед собой будильник, приготовил чистую бумагу и сел решать задачки со вступительных экзаменов в МФТИ. После звонка будильника проверил решения. Поставил себе двойки. Стал думать о великих комсомольских стройках.

Приехал брат, который служил в милиции на БАМе, и рассказал о местном пьянстве и поножовщине. Перестал думать о великих комсомольских стройках.

На уроке по обществоведению рассказали о трех законах диалектики. Обрадовался, что законов так мало и их легко выучить. Захотел стать философом.

Брат поступил в Высшую школу милиции и показал свои конспекты классиков марксизма-ленинизма. Расхотел быть философом.

Учитель литературы спросил, правда ли, что я собираюсь поступать в МФТИ? Я сказал, что раньше так думал, а теперь не уверен. Учитель сказал, что он тоже не уверен, что МФТИ – это лучшее для меня место. Я ничего не понял, но настроение испортилось окончательно.

Март. Пытался принять участие в телевизионной олимпиаде по физике. Из десяти задач решил шесть. Отчетливо представлял физические картины, чувствовал ответы. Чувствовал, что ответы неправильные, но не хватило ума сооб-

разить, как получить правильные. Сел читать повести Пушкина. Позавидовал, что Пушкину не надо было решать задачи по физике.

Апрель. Устроил себе письменный экзамен по математике. Поставил себе четверку и на радостях поехал на день открытых дверей в МФТИ. На сцене стоял красивый мужик в костюме с ярким иностранным галстуком. Он засунул руки в карманы и рассказывал о высокотемпературной сверхпроводимости. Мне понравилось, как он небрежно ругал американцев. Оказалось, что американцы тупые и все делают неправильно. Вот если у него будет время между конференциями, то он сядет в лабораторию и покажет всем кузькину мать.

Май. Даже отпетые спортсмены и хулиганы, интересуются физикой. Ко мне домой приходят делегации и задают мне задачки.

– Если я упаду с горы Казбек, то с какой скоростью я буду подлетать к пивной у подножья?

– Если я смешаю кружку холодного пива и стакан теплой водки, то какая будет температура?

– Я хочу с балкона описать машину соседа. Под каким углом мне надо писать, чтобы дальность струи была максимальной?

Июнь. Выпускной вечер в школе. Экзамены прошли как в тумане. Перед выпускным вечером мы с ребятами выпили по стакану водки в сквере, чтобы выветрились ненужные знания. После стакана я почувствовал, что забыл формулу Лоренца. От расстройства выпил еще стакан вина, которое стояло на праздничном столе. Выступал директор. Он сказал, что аттестаты нам вручат завтра в учительской, а то он боится, что сегодня мы их потеряем. Я закусил шпротами, взял под ручку первую красавицу класса и увел ее на речку. Мы там храбро обнимались, но все мои мысли были о завтрашнем дне, когда надо было подавать документы в МФТИ.

Я и представить не мог, каким кошмаром обернутся для меня следующие два месяца!

Кошмарное лето

Мы с Витькой едем в электричке в Долгопрудный – подавать документы в МФТИ. Жарко, солнце слепит глаза, голова раскалывается, хочется пить. Язык еле ворочается.

– А куда ты вчера пропал? – спрашивает Витька. – Мы до упаду танцевали, а потом поехали на Красную Площадь встречать рассвет.

– Сейчас бы холодной газировочки, – выдавливаю я из себя.

В коридорах физтеха толпятся бледные абитуриенты. Я слышу разговоры про волны де Бройля и про двойные интегралы. Мне плохо. И от волн де Бройля, и от мысли о пред-

стоящих экзаменах.

– Конкурс уже восемь человек на место, – сообщает подошедший Витька. – Нам тут ничего не светит. Этот конкурс особый – тут на пятую графу не обращают внимания. Пока не поздно, надо в МИФИ подаваться.

Я пытаюсь отрицательно помотать головой, но вовремя спохватываюсь и, придерживая гудящую голову, говорю, что до МИФИ я сегодня не доеду.

...Письменный экзамен по физике подходит к концу. Задачу про излучающий электрон я сразу отложил. Я даже не понял, что нужно там найти. Сажу и пытаюсь решить задачу про сверхзвуковой самолет. Пытаюсь вывести формулу для конуса Маха, но от волнения могу только нарисовать сам конус – формулы вылетели из головы. Я с ненавистью смотрю на соседа, который уже сложил листочки и несет их экзаменатору. Через несколько минут мы встречаемся с ним в коридоре.

– Слушай, ты как задачу про самолет решил?

– Я что, псих что ли? – сосед курит у окна и выглядит безумно счастливым. – От таких задач свихнуться можно. Я им там голую жопу нарисовал и сейчас пойду документы забирать.

На устной математике усталый экзаменатор долго смотрит на меня, потом погружается в листочки с моей письменной работой.

– Ну ладно, – вдруг произносит он. – Я дам вам хороший

шанс. Представьте, что у вас есть линейка и карандаш. Ваша задача – с помощью этих двух предметов разделить отрезок на три равные части.

Это задача на построение. Вернее, это удар ниже пояса: мне говорили, что задач на построение не будет. Я чувствую, что задача простейшая, но в голову все равно ничего не приходит.

Решение пришло уже на улице. Я бегу обратно сообщить эту новость экзаменатору, но на лестнице останавливаюсь. Правила есть правила: в этот раз я проиграл.

Перед собеседованием я всю ночь читаю про управляемый термоядерный синтез и готовлю доклад о том, как я люблю физику. Говорили, что если хорошо выступить на собеседовании, то на результаты экзаменов комиссия не обращает внимания.

Нетвердой походкой я подхожу к столу, где сидят пять усталых пожилых мужчин. Мне протягивают стопку бумаг: «Это ваши документы – вы не прошли по конкурсу. Позовите следующего».

...Август, я подал документы в другой институт. Огромное здание с колоннами, похожее на грандиозный дом культуры. Это Московский энергетический институт. У меня прекрасное настроение – я почти студент факультета теплофизики. Термоядом можно заниматься и с таким дипломом. По физике я получил пять, два дня назад я решил все зада-

чи на письменной математике. Сегодня устная математика. Тут можно даже получить тройку – говорят, что тринадцать будет проходным баллом.

– Вы не решили ни одной задачи в письменной работе, – говорит экзаменатор. – В каждой задаче арифметическая ошибка. Инженеры не имеют права так ошибаться.

Он еще что-то говорит про мосты, которые падают из-за таких ошибок, но я его не слышу: в глазах темно, в ушах звенят слова: «... ни одной задачи».

Это конец! Половина класса уже студенты, а я, звезда и надежда нашего двора, остаюсь за бортом.

О том, как огорчатся родители, я стараюсь не думать. Я не могу сообразить, на каком трамвае надо ехать до метро, и иду пешком. Накрапывает дождь, но я его не замечаю. Кто-то натывается на меня и долго потом матерится. «Инженер, наверное! – думаю я, прислушиваясь к витиеватым выражениям. – Ведь сумел же он в институт в свое время поступить!».

Сентябрь.

– Надо поступать в институт, который недалеко от дома, – говорит мама. – В Лесотехническом институте есть факультет электроники, там готовят специалистов для «королёвской фирмы». Ты вполне можешь успеть подать документы на вечерний факультет.

Мне все равно. Это уже четвертая серия экзаменов за ле-

то. Я почти не занимаюсь, но сдаю на все пятерки. В деканате мне дают зеленый студенческий билет и просят принести справку с работы. Я иду на фабрику к отцу, где после демобилизации он работает начальником строительного отдела. Он показывает мне дальний угол фабричной территории и говорит, что тут надо выкопать канаву. Моя профессия – разнорабочий. У меня есть напарник, молоденький парнишка, обожающий рассказывать про своего брата, который недавно женился и теперь по ночам невозможно спать из-за стонов и охов, доносящихся из-за занавески, отгораживающей кровать молодоженов.

Светит ласковое сентябрьское солнце. Мы копаем канаву и каждый час бегаем к сторожике, которая поит нас чаем с яблоками.

Дрындрология и физика

Лесотехнический институт ласково называли Дрындрологическим. Там был замечательный факультет, на котором обучали правильному озеленению городов. На этом факультете учились красивые и раскованные девушки, но мне тогда было не до них.

Я поступил на вечерний Факультет электроники и счетной техники (ФЭСТ), но студенты называли его Факультетом Экономии Сосновой Тары. Рядом с институтом находилась «фирма», где делали космические корабли, и Королев организовал этот факультет для подготовки «космических»

специалистов. В Америке это считалось бы очень круто. Потом я узнал, что популярно английское выражение «rocket science» (наука о ракетах), что означало нечто недоступное простому уму. В этом есть доля истины. Однажды я случайно забрел в аудиторию, где читался курс «теория гироскопов». Я увидел на доске жуткие формулы, мне стало дурно, и я быстренько убежал. Я-то мог убежать, а кому-то надо было сдавать экзамен по этому кошмару.

На моем факультете тогда было три специальности: АТ – Автоматика и Телемеханика (Абсолютно Тупые – по-нашему, по-студенчески); ММ – Математические Машины (МалоМощные) и СУ – Системы Управления (Самые Умные).

Я овладевал специальностью АТ. Мы ходили с гордо поднятыми головами и говорили, что, конечно, мы абсолютно тупые, но зато не маломощные!

Первая лекция была по математике. Коренастый лектор с низким лбом, густой шевелюрой и длинными руками подошел к доске и мрачно произнес:

– Ну, поздравляю с началом! Хочу сразу предупредить, я буду из вас вынимать душу и закладывать вместо нее знание математики. Кому это не понравится, тот вылетит на улицу. Итак, рассмотрим две точки в трехмерном пространстве...

Притихшие новоиспеченные студенты испуганно склонились к тетрадам.

...Прошла неделя. Во время лекции по истории КПСС

дверь тихонько отворилась, и в аудиторию вошла девушка. У меня защемило сердце: она была высокая, с длинными русыми волосами, огромными глазами и очень хорошо улыбалась. Девушка приложила палец к губам, тихонько подошла к кому-то из студентов, отдала бумаги и ушла. Если бы я знал, сколько бессонных ночей принесет мне эта девушка с огромными глазами!

В первый год обучения у нас был курс начертательной геометрии. Может, кто помнит шутку тех лет: «Сдал начерталку – можно знакомиться, сдал сопромат – можно жениться».

На экзамене по начерталке я изобрел способ получения «легкой» пятерки. Мне задают вопрос, я уверенно беру ручку (очень важно – уверенно!) и говорю: «Ну, это совсем просто!». После этого надо нарисовать что-нибудь на листочке (например, систему координат) и сказать пару слов четким голосом. На этом экзамен обычно заканчивается. Преподаватель тает, берет зачетку и выводит там «отл». Эта система работала даже на физтехе.

На вечернем отделении не было матанализа, который читался «дневникам». Я узнал правила перехода на дневное отделение: надо было сдать сессию на пятерки и экзамен по матанализу.

К сожалению, мне нужно было еще и работать. После копания своей канавы я бежал домой и читал книжки по математике.

Математику и начерталку я сдал на пять, оставалась история КПСС. Экзамен принимал лектор, который вел у нас семинары. Я начал отвечать по билету, но преподаватель меня прервал: «А зачем вообще нужны партии?», – неожиданно спросил он.

Я стал что-то лепетать про организацию, идеологию, но он меня снова прервал.

– Запомните: партии нужны только для борьбы за власть и для удержания власти. Все остальное – словесная шелуха! Я помню вас по семинарам и поэтому ставлю «пять».

И меня перевели на дневное отделение.

После зимних каникул я пришел в аудиторию, где занималась моя новая группа. Вошел и вздрогнул: за первым столом сидела девушка с огромными глазами, которая заходила к нам на лекцию. Много про эту девушку я писать не буду. Скажу только, что ее присутствие в моей жизни очень мешало занятиям физикой.

Мечту о физтехе я не оставил. После второго курса туда можно было перевестись, сдав дополнительные экзамены. Для допуска к этим экзаменам в моей зачетке должно было быть очень много пятерок. Конкурс среди таких «отличников» был обычно 12—15 человек на место. По вечерам я читаю только книги по математике и физике. Другая жизнь проходит мимо.

...Весной я сошелся с бывшим одноклассником, который

тоже неожиданно увлекся физикой. Он учился в Институте геодезии и обожал говорить про голографию и прочие премудрости. По субботам мы с ним бродили по раскисшему снегу, слушали журчание ручьев и обсуждали физические законы и явления. Тогда я научился рассказывать о сути явлений кратко и без бумажки.

Летняя сессия прошла легко и незаметно. И тут у меня родилась самая гениальная идея в моей жизни! Я приехал в МФТИ, чтобы посмотреть на экзамены отличников. Я сидел в коридоре и спрашивал всех выходящих, о вопросах и задачах, которые предлагали экзаменаторы. Дома я все систематизировал и приготовил решения. Теперь я был вооружен и очень опасен для моих будущих конкурентов.

Для допуска к экзаменам в МФТИ мне нельзя было иметь в зачетке больше двух четверок. К концу второго курса они уже у меня были: по немецкому и черчению. Тут никакие методы получения пятерок не помогли! Приближался экзамен по военному делу, к которому нужно было выучить наизусть уставы Советской армии. Это была полная засада! Переписать уставы на шпаргалку было невозможно, поэтому я засунул книжки за пояс брюк, надел сверху свитер и отправился на экзамен. Первый вопрос был: «Что такое знамя?». В антисанитарных условиях я сумел вытащить книжку и переписал: «Знамя – это символ чАсти, доблести и славы». Так я и сказал комиссии.

– А вы не знаете номер той части, чьим символом являет-

ся зная? — ехидно спросил седой полковник.

— Я знаю номер части, где служил мой отец! — выпалил я.

Это меня выручило. Полковник растаял, спросил, где именно служил папа, и разрешил перейти ко второму вопросу. Это было просто спасение: нужно было показать, как отдавать честь на ходу без головного убора. Книжки начали выскальзывать из брюк, и то, что честь надо отдавать, прижимая руки к бокам, помогло мне удержать их под свитером.

Эту пятерку я запомнил надолго!

История КПСС! Как ни странно, я любил этот предмет. Лектор был математиком, который потом увлекся общественными науками. Он обожал задавать нам задачи. Представьте, говорил он, Питер, холодный дождь, разруха, темные улицы, пьяные матросы, слабое правительство... а вам надо взять власть в свои руки. С чего бы вы начали? Дальше он говорил о крутых мерах, за которыми чувствовалась чья-то жесткая рука. Фамилия Троцкого тогда была под запретом, но чей-то беспощадно-кровавый ум явно прослеживался в рассказах преподавателя. Я представлял осенний Питер и понимал, что в Смольном сидели очень крутые тридцатилетние парни. Он говорил нам много того, чего не было в учебниках, и на втором курсе я даже заходил на лекции к первокурсникам, чтобы послушать его низкий густой голос.

Уже учась на физтехе, я приходил к нему домой, он рассказывал мне о парижских коммунарах, и мне становилось

не по себе от кровавых мясорубок тех лет. Я тогда интересовался историей татаро-монгольского ига, но «пламенные» коммунары затмили подвиги Батыя.

Я успел прослушать курс «Теории электрических цепей». Мы рисовали чудовищные электрические схемы, рассчитывали частоты колебаний в запутанных электрических контурах и дружно ненавидели этот предмет. Однажды к нам на семинар пришел преподаватель математики, чтобы заменить нашего, который ушел на час по семейным делам. Он спросил, что мы тут изучаем. Узнав, что мы собираемся рассчитывать колебания контура, он хмыкнул, сказал, что это элементарная система линейных дифференциальных уравнений второго порядка и такие задачи он решал еще в школе. И еще добавил, что если кто-нибудь из нас получит меньше пятерки по этому предмету, то он серьезно будет дрючить этого несчастного на экзамене по диффуравнениям, так как это явный признак дебилизма и пренебрежения к великой науке математике.

Прошел еще год, и я поехал в МФТИ на экзамены по математике и физике. Со мной, как группа поддержки, поехала девушка с огромными глазами. Математику я сдал легко, а теперь сидел перед экзаменатором по физике, решал, наверное, уже двадцатую задачу и смотрел в окно. Девушка сидела на лавочке и читала книгу.

Через три часа экзаменатор сказал, что если меня примут, то он будет просить на кафедре, чтобы мне засчитали весь

пятисеместровый курс общей физики. Я гордо сказал, что иду в МФТИ, чтобы учить физику, а не получать халявные оценки. Преподаватель посмотрел на меня, как на идиота, и сказал, что у меня почти стопроцентный шанс на зачисление.

Через два дня мы с девушкой сидели в темном коридоре, куда вскоре вышел председатель приемной комиссии и стал зачитывать список счастливицов. Список был короткий – всего шесть человек. Меня он назвал первым, подошел ко мне, пожал руку и сказал, что из Лесотехнического к ним еще никто не поступал.

– Как мы будем праздновать? – спросила меня девушка.

Ошалелый от счастья, я смотрел сквозь нее и не понимал, о чем она говорит. Потом начал бормотать, что хочу поехать с ней в Ленинскую библиотеку и почитать там книжки по линейной алгебре.

– Тяжелый случай, – сказала девушка. – Но я тебя прощаю.

Однажды в МЛТИ

Однажды я поступил в институт. Первый день мне понравилось, а потом я стал мечтать поскорее стать аспирантом. Когда я стал аспирантом, стал мечтать поскорее начать работать. Сейчас я работаю и мечтаю сидеть под пальмой и слушать морской прибой. Может, мне не надо было в ин-

ститут поступать, а сразу на море ехать?

Однажды я работал разнорабочим на фабрике в г. Пушкино. Мне было поручено копать канаву, что я и делал с большим рвением. После Нового года к моему начальнику в кабинет ввалился Вася, известный алкаш и бездельник. «Слышь, командир! – сказал Вася, с трудом пытаясь открыть заплывшие глаза. – Не могу сегодня работать... Новый год, сам понимаешь!».

Васю отпустили домой поправлять здоровье. «У меня тоже был Новый год», – сказал я обиженно. «Вот научишься пить, как Вася, тогда и поговорим!» – отрезал начальник.

Однажды в институте мы поехали на уборку картошки. Первыми парнями там были те, кто пил много водки и пел под гитару. Прошли годы. Водку я пить научился, а петь под гитару – нет. Никогда мне не быть первым парнем!

Однажды я проходил трудовую практику на заводе. Я работал на конвейере, где собирали распределители зажигания для автомобилей. Мне нужно было надеть шайбу, просверлить отверстие, вставить заклепку и расклепать ее с другой стороны. В первый день я пытался думать о физике. На второй день я пытался думать хотя бы о девушках. На третий день я был способен думать только о кружке холодного пива после смены.

Однажды мы с приятелем решили посмотреть салют на Воробьевых горах. Для компании мы позвали одноклассницу. «Сколько вас там будет?» – поинтересовалась ее мама. Узнав, что нас двое, она согласилась отпустить свою дочку, сказав, что двое парней – это самая безопасная комбинация. Прошло много лет, но я так и не понял, почему мы составляли самую безопасную комбинацию.

Однажды в институте в перерыве между лекциями я подошел к своему другу и сказал, что я открыл формулу жизни – нужно наслаждаться мгновениями удовольствия и работать, чтобы таких мгновений было больше. «Дай мне лучше конспект прошлой лекции переписать, – сказал мой друг. – А то завтра на семинаре я никакого удовольствия не получу».

Однажды мы с приятелем решили досрочно сдать экзамен по философии. Прямо в начале семестра! Преподаватель на это отреагировал спокойно и сказал, чтобы мы пришли завтра с конспектами классиков. Конспекты у нас заняли два часа (!), остальное время ушло на чтение учебника и краткого философского словаря. На следующий день преподаватель снял очки и долго смотрел на нас. Меня он попросил рассказать, что такое государство. «Государство – это орудие подавления!» – быстро выпалил я. «Это все?» – спро-

сил преподаватель. «Нет, – ответил я. – Могу еще примеры привести».

Однажды в институте я сидел на лекции по начертательной геометрии. Преподаватель, пожилой мужчина с масляными глазками, рисовал линии, точки и все думал, как их назвать. «А вот эту точку мы назовем буквой, на которую начинается самое прекрасное слово!» – вдруг выпалил он и написал букву «л». В это время дверь открылась и в аудиторию вошла полная рыжая девушка, которая считалась нашей первой красавицей. «А вот и иллюстрация пришла!» – пробормотал препод, провожая нашу рыжую долгим взглядом.

Однажды знакомая попросила меня что-нибудь сказать по-немецки. Этот язык я учил в школе, и мои знания были на уровне «плохо читаю и еще хуже перевожу со словарем». Я ей и выдал «что-нибудь». Причем вспомнил самые нежные слова, которые знал. Знакомая послушала и сказала: «Мне кажется, что ты меня сейчас обругал».

Однажды я катался на лыжах с одной девушкой. Нам нужно было пересечь большое поле. Мела поземка, но ветер дул нам в спину и трехкилометровый переход прошел незаметно. Обратно мы возвращались через это же поле. И ветер снова дул нам в спину. «Так быть не может», – пробормотал я. «Ну и пусть не может, – ответила девушка. – Зато очень

удобно».

Однажды в институте я был членом социологического общества, и темой моего исследования была детская преступность. В качестве награды нас с приятелем направили в детскую трудовую колонию в Икше, чтобы мы смогли поближе познакомиться с объектами исследования. В процессе научной работы объекты пообещали нам отрезать уши, как только выйдут на свободу.

Однажды мы изучали предмет с названием «Теория машин и механизмов» (ТММ = Тут Моя Могила). На первом занятии преподаватель сказал, что прямо сегодня поставит зачет тому, кто до конца занятия сможет правильно нарисовать силы, действующие на парусную яхту, и объяснить, почему она может плыть против ветра. В конце занятия я передал ему листок, где все было объяснено. Преподаватель посмотрел, хмыкнул, а когда я спросил про зачет, то сказал, что надеется на мое чувство юмора. В своем чувстве юмора он был уверен.

Однажды в Лесотехническом институте на занятиях по физкультуре мы играли в футбол. Вдруг преподаватель остановил игру и спросил, у кого из нас пятерки по черчению. Мои чертежи делала мама – профессиональный конструктор, и я сдуру поднял руку. Когда семестр подхо-

дил к концу, преподаватель-физкультурник подошел ко мне и сказал, что я пропустил слишком много занятий, и он не сможет поставить мне зачет. Единственное спасение – это красиво начертить прибор для измерения силы удара боксера. Это был первый чертеж, который я сделал самостоятельно.

Однажды мне было примерно двадцать, моей девушке тоже исполнилось двадцать.

– Двадцать – еще ничего! – сказала девушка. – Но вот третий десяток...

Однажды в институте у нас была практика на заводе, и мне нужно было что-то спросить у мастера. Я стал узнавать у однокурсников, как его зовут, но никто не знал. Только одна девушка вспомнила, что мастера мы все называем «Скажите, пожалуйста!».

Однажды брат моей знакомой, школьник, стал радиолубителем. Он подошел к своей маме и спросил, не хочет ли она сэкономить 70 рублей. «Конечно, хочу!» – ответила мама. «Тогда дай мне сто рублей, – попросил радиолубитель. – Знакомый продает за сотню осциллограф, который стоит 170».

Однажды мама уговорила меня поехать с ней в Сочи

отдохнуть в санатории. Нас там приняли за мужа и жену. Мне бы порадоваться за маму, что она так хорошо выглядела, но я был огорчен, что сам выглядел слишком солидно в двадцать лет.

Однажды я был в Сочи в санатории. Моим соседом был хмурый мужик из Норильска, весь покрытый татуировками. «Сидел?» – спросил я. «Нет, стоял!» – буркнул он. «А карточным фокусам можешь научить?» – попробовал я поддержать разговор. Мужик долго молчал, а потом сказал: «Нет, не буду я тебя учить. С фокусов у меня все и началось!».

Картинки из жизни на физтехе

Занятия начинаются в сентябре, а я пока в Сочи: лежу на пляже и читаю книгу по матанализу. Мимо проходят две девушки, заглядывают в книгу и тяжело вздыхают:

– Вот не повезло парню, на осеннюю переэкзаменовку попал!

Поселяюсь в общежитии. Три паренька приветливо смотрят на меня и показывают на пустую кровать: «Вот тут свободно, но эта кровать несчастливая. С нее постоянно отчисляют из института». Я вздыхаю и иду к комендантше за бельем.

Вечер. На ужин – бутылка кефира, полбатона белого хлеба

и огромный кусок вареной колбасы. Вкусно!

Лекция по теории колебаний. Красавец-лектор долго рассказывает про историю маятниковых часов, потом спохватывается и обещает написать все формулы в следующий раз.

Лекцию по матанализу читает знаменитый Кудрявцев. У него все отмерено: пятнадцать минут – формулы, одна минута – на шутку. Все равно его понять невозможно, записываю механически – потом разберусь.

Я не студент, а кандидат в студенты: первая двойка – и меня отчислят. Мое самое слабое место – английский. Надо учить длинные тексты наизусть. На это уходит 50% свободного от лекций времени. Но деваться некуда.

Все лекторы работают где-то еще. На физтех приезжают блистать своими знаниями. Это называется связь с жизнью.

Узнал ребят из группы. Я тут один, кто никогда не побеждал на олимпиадах по физике или математике. Иногда появляется чувство ущербности. Все такие гении вокруг!

Отчисляют неплохого парня из Одессы. Он увлекся разработкой теории многомерных комплексных чисел и завалил экзамены. Я бы ему сразу диплом дал, а не отчислял!

Удивляюсь, что на первых курсах многие занимаются очень мало: только английский и политэкономия. Оказалось, что все они – из физико-математических школ и всё уже знают. Опять чувствую свою ущербность. Сижу – грызу!

Со своей девушкой встречаюсь раз в неделю. Никому про нее не рассказываю. Вопросы отношения полов тут обсуждаются мало.

Вместо физкультуры – секция самбо. Вспомнил уроки брата-милиционера, некоторое время ходил в авторитетах.

Подошел комсорг и спросил, какой общественной работой я хочу заняться. Я сказал, что никакой. Он сказал, что понимает меня и ушел.

Иногда хожу гулять около старого дирижабельного завода. Потом спохватываюсь, что теряю время, и бегу в читальный зал.

Занятия кончаются в шесть часов. Голова как чугунный котел: только звенит и никакие дополнительные знания впитывать не хочет. Я их туда запихиваю чуть ли не ногами, но к утру многое вылезает обратно и теряется.

Как-то раз я увидел студента, который читал художественную книжку. Рассказал об этом своим соседям по общежитию. Мне не поверили.

Решил попробовать неизведанное и сам прочитал книгу Джека Лондона. И пропал! Записался в альпинистскую секцию.

Первая база

Сдал сессию на пятерки, меня перевели из кандидатов в студенты и сразу дали повышенную стипендию. Появились деньги. Очень необычное состояние: иду по улице, а в кармане деньги! Да еще я полноценный студент МФТИ. От гордости меня распирает.

Через год учиться стало легче, и мне открылся мир. Оказалось, что в Москве много красивых девушек, в библиотеках есть не только учебники, а еще я вспомнил, что в природе бывает четыре времени года.

Твердо решил заниматься физикой плазмы. Иду с девушкой, вижу, как мерцает неоновая реклама, и говорю с умным видом: «Это колебания плазмы». Девушка долго думает и вдруг заявляет, что так умно и она может сказать.

Пересмотрел фильм «Девять дней одного года». Опять

понравился Смоктуновский. Решил стать теоретиком. Еще раз пересмотрел фильм «Девять дней одного года». Теперь понравился Баталов. Решил стать экспериментатором.

На четвертом курсе началась «база». Это когда несколько дней в неделю работаешь и учишься в каком-нибудь научном институте. Я выбрал Институт атомной энергии (ИАЭ) имени академика Курчатова и почему-то попал к теоретикам. Вот тут начался кошмар.

Теоретики в ИАЭ, на мою голову, оказались из школы Ландау. Их главный принцип – постоянно доказывать, что новоиспеченный теоретик полный идиот. В моем случае это им легко удавалось.

Начался самый тяжелый (если говорить о физике) период в моей жизни. Каждую неделю я сдавал экзамены по книгам Ландау-Лифшица и другим, не менее толстым томам. Никакие отговорки типа, «голова болит» или «тетушка заболела» во внимание не принимались. Я читал везде: в постели, в автобусе, на лекциях и даже на семинарах по английскому. И все для того, чтобы каждую среду лицезреть недовольную физиономию своего шефа. Он ставил задачи, и если мне удавалось их решить, то он еще больше кривил рожу и говорил, что наверняка я заготовил ответ дома или прочитал его мысли.

Самочувствие? Какое может быть самочувствие, когда

за неделю надо прочитать, понять и хоть немного запомнить 800 страниц с формулами! Я ни с кем не встречался, обедал за пять минут, спал по пять часов. Личная жизнь дала глубокую трещину.

Через месяц одного из студентов выгнали из теоретиков, и мне об этом торжественно было сообщено. «А меня будете выгонять?» – спросил я. «Ты на волоске, но пока висишь!» – ответил шеф и опять скорчил недовольную физиономию.

Спросил у одного аспиранта, почему мой шеф всем недоволен? «Он сейчас всем очень доволен! – заявил аспирант. – Иначе ты бы уже маршировал в строю и пел «Не плачь, девочка!»».

Одной из прочитанных книг была «Теория физики плазмы». Автором был заведующий нашим отделом. Там я нашел два десятка ошибок и с радостью сообщил об этом шефу. Он сказал, что критиковать великих – это не мое дело, а мне лично нужно сесть за стол, взять листок бумаги и решать задачу, которую он только что придумал.

Пришел на предзащиту одного аспиранта. Тот написал на доске уравнение и приготовился написать еще штук двадцать. Его остановили и стали мурыжить по первому уравнению. Через час сказали, что разговор получился очень интересным и через неделю они продолжат. Что сказал мне аспирант после выступления, я написать не могу из соображений цензуры.

Через полгода я поговорил с ребятами, которые зани-

мались ядерным магнитным резонансом, и мне захотелось к ним. Шефу я сказал, что термоядом заниматься не хочу и уйду. Шеф схватился за голову и сказал, что они планировали выгнать всех, а меня оставить. «Поздно!» – злорадно произнес я, и мы попрощались.

В холодный январский день я переступил порог Лаборатории ядерного магнитного резонанса. Это моя новая «база». И у меня началась совсем другая жизнь.

Однажды в МФТИ

Однажды я стал жить в общежитии МФТИ в Долгопрудном. Во время каникул моя мама приехала посмотреть мою комнату и пришла в ужас от бардака и антисанитарии. Мы с ней быстренько сделали ремонт, повесили занавески и постелили на столы белые скатерти. Наша комната заняла в общежитии первое место по уюту, а приехавшие соседи две недели вытирали при входе ноги и мыли тарелки после еды.

Однажды меня невзлюбил наш инструктор по альпинизму. Мне становилось скучно в заорганизованном альплагере, и я часто уходил к ручью, ложился на теплые камни и смотрел в темно-синее небо. «Ты не альпинист! – кричал он. – Ты турист!». Он был прав, но зачем так человека оскорблять?

Однажды меня полюбил наш инструктор по альпиниз-

му. На привале он подзывал меня и просил, чтобы я при-
смотрел за этими студентами и «обсервантами». А сам ложил-
ся отдыхать. Я присматривал и был очень горд собой.

Однажды после третьего курса я купил в профкоме пу-
тевки, и мы с моей девушкой и ее братом поехали на турбазу
в Петрозаводск. Я только что вернулся из альплагеря, был
загорелый и очень довольный собой. Днем мы играли в во-
лейбол, а вечером к нам присоединялись два 35-летних ста-
рика, и мы играли в карты.

– Ты знаешь, я тут подумала и поняла, что лучший возраст
для мужчин – это тридцать пять лет, – вдруг сказала моя де-
вушка. – Они еще не старые, но знают, что нужно женщине.
Я скептически усмехнулся. А зря!

Однажды я стоял в очереди в кассу для пригородных по-
ездов. Передо мной цыганка с маленьким ребенком меняла
мелочь на десятки и рубли. За одно утро хождения по по-
ездам она заработала сумму, равную моей стипендии. С тех
пор я не подаю попрошайкам.

Однажды я сидел в парикмахерской и мастер сказал, что
волосы на затылке у меня растут в разные стороны. «Да...
не повезло мне», – философски произнес я. «Тебе повезло
больше, чем мне», – ответил мастер. Только выйдя на улицу,
я понял, что он имел в виду. Мастер был лысый!

Однажды знакомый альпинист из физтеха учил меня в столовой теории вкусового аккорда.

– Представь, что творог – это нота», – говорил он. – А черный хлеб – это другая нота. Если ты положишь то и другое в рот, то получится аккорд. Но это не будет гармоничным аккордом. Гармоничный аккорд – это когда творог съесть с белым хлебом. А сейчас я покажу тебе очень сложный и гармоничный аккорд».

При этом он намазал белый хлеб горчицей, съел кусок селедки и запил все это компотом.

Однажды на экзамене по квантовой механике меня поймали со шпаргалкой и немедленно посадили за стол к экзаменатору. Через два часа, выводя пятерку в зачетке, экзаменатор спросил, зачем мне была нужна шпаргалка. «Память плохая», – сказал я. Экзаменатор помолчал, достал из кармана толстую записную книжку, показал мне ее и сказал, что он меня понимает.

Однажды на военных сборах меня попросили сделать фотографии для стенда. Я старался, как мог. Каждый курсант был художественно сфотографирован. То в полете с брусьев, то в процессе наматывания портянок, то уплетающим кашу. В соседней роте фотограф поступил проще. Он поставил всех в строй и сделал несколько групповых сним-

ков. У моего стенда всегда было пусто, а у соседнего стояла толпа. С тех пор я не люблю фотографировать людей.

Однажды мой приятель-турист спросил меня, что я люблю больше всего на свете. Я замялся и спросил, что любит он? «Я люблю вечером прийти на берег реки, смотреть на закат, разжечь костер, повесить мой любимый котелок, сварить макароны и съесть их с майонезом», – ответил он. После того разговора я как-то быстро полюбил макароны и майонез.

Однажды на старших курсах физтеха я узнал, что многие мои знакомые имеют интеллектуальное хобби. Они занимались йогой, буддизмом, социологией, собирали древние книги и артефакты. Один я ходил грустный и ничего не собирал. Я поделился огорчениями со своей подругой. «Это все ничего, лишь бы ты девушек не начал коллекционировать!» – сказала она.

Однажды студентом я купил восьмимиллиметровую кинокамеру. Не заходя домой, я направился в районную библиотеку и набрал книг по киноискусству. Через неделю я пошел в кино. Выйдя на улицу, я обнаружил, что не помню, о чем был фильм. Но зато я помнил все находки кинооператора и был уверен, что именно так и надо смотреть фильмы.

Однажды за неделю я прочитал около двадцати книг по киноискусству и стал киногурманом. Если бы меня посадили в комиссию при Министерстве культуры СССР, то я бы не пропустил в прокат ни одного фильма. Бедные зрители смотрели бы только нарезки из фильмов, где была хорошая работа операторов.

Однажды я стал снимать кинозарисовку про неудавшееся свидание. Был чудесный осенний день в Сокольниках. Мои артисты должны были изображать грусть из-за прошедшей любви. Вместо этого они хихикали и говорили, что хотят есть и пить пиво.

Однажды мы втроем с друзьями искали на Урале золото. Одна из ночевок была на берегу красивого горного озера. Рядом стояли туристы из Свердловска. Там было много девушек, и мои друзья направились после ужина в гости. Вернулись эти мартовские коты под утро с виноватыми, но очень счастливыми глазами. И сказали, что кроме золота в мире есть еще много других интересных вещей.

Однажды я записался в школу бальных танцев. На «раз» – нужно было ставить ногу сюда, на «два» – нужно было ногу переставлять, на «три»... Мне очень нравился такой математический подход.

Однажды я был на практике в лаборатории теоретиков в Институте атомной энергии. Все теоретики были умные и неприступные. В комнате, где я бывал, стоял стол, на котором лежали колоды перфокарт. «Кто тут работает? – спросил я. – Я никогда не видел этого человека». «Это программист, – сказали мне с оттенком легкого презрения. – Чем он занимается, никто не знает и знать не хочет». Я тогда подумал, что никогда в жизни не буду программировать.

Однажды я ехал в электричке и услышал разговор двух женщин. «Я просто не знаю, что мне делать, – говорила одна из них. – Моя дочка хочет стать программистом. Ну что это за специальность такая – сидишь и печатаешь. Прямо как секретарь-машинистка».

Однажды я сидел в коридоре Вычислительного центра Академии наук и лезвием вырезал дырочки на перфокартах. Потом решил пройтись и увидел комнату, где стояли терминалы. Это небольшие мониторы, где на черных экранах мелькали зеленые буковки. И я подумал, что мечта всей моей жизни – это иметь такой терминал дома. И я могу тогда в любой момент запускать свои программы на БЭСМ-6, которая работает со скоростью один миллион операций в секунду!

Однажды соседняя лаборатория в Москве приобрела

компьютер. Я посмотрел на него, вернулся к своему столу и стал точить карандаши. «Зато у меня все карандаши будут заточены», — утешил я себя.

Однажды в МФТИ я сдавал госэкзамен по физике. К нам приходил академик Лифшиц, соавтор книг с Ландау, и спрашивал что-нибудь простенькое. Например, написать оператор Лапласа в сферических координатах. Получив неправильный ответ, он выбегал в коридор и кричал, что мир рушится, что он не может умереть спокойно и ему придется жить вечно.

Однажды на физтехе был декан, который любил вечером прийти в общежитие и спросить у лежавших на кроватях студентов величину заряда электрона. Он говорил, что если физики лежат, то они думают. Если думают, то о физике. Если о физике, то они должны знать константы, чтобы думать правильно. Величину заряда электрона я помню до сих пор: в кулонах это -1.6 на десять в -19 -й степени.

Однажды на физтехе я записался в секцию самбо. Это заменяло занятия по физкультуре. На первых занятиях нас учили правильно падать. И это было единственный навык, который реально пригодился мне в жизни. Особенно зимой на скользких дорожках.

Однажды зимой на Кавказе я выкопал из-под снега рододендроны. Это были огромные белые нераспустившиеся цветы. Мне сказали, что они распустятся как раз к 8-му Марта. Перед праздником все бегали за цветами, а я поглядывал на рододендроны и посмеивался. 6-го марта цветы распустились, но тут же и осыпались.

Однажды я прочитал книгу «Москва и москвичи». После этого я как сумасшедший бегал по старым переулкам в поисках Хитрова рынка и отчаянно пытался узнать, где был ресторан «Яр». Я был влюблен в Россию начала 20-го века и не понимал, почему Ленин жил в Швейцарии, а не в Москве.

Однажды поздно вечером я решил подарить знакомой девушке цветы. Магазины были закрыты, и я нарвал букет с клумбы на площади Гагарина. Девушка сказала, что цветы красивые, но они почему-то пахнут выхлопными газами.

Однажды на физтехе мне загадали загадку: что такое елочка среди дубов? Оказалось, что это Новый год на военной кафедре. Каково же было мое удивление, когда я увидел на одной из стен военной кафедры репродукцию картины «Дубовая роща» – подарок студентов.

Однажды поздно вечером я возвращался домой

и в подъезде увидел соседку, которая работала где-то в «почтовом ящике». Соседка обнималась с молодым человеком. Увидев меня, они отпрянули друг от друга, и соседка громко сказала: «Вот и мой начальник говорит, что тут дело в ионах». Я много знал про ионы и очень хотел поддержать разговор, но мне хватило ума вежливо поздороваться и пройти мимо.

Однажды я лежал ночью в палатке на берегу одного из озер на Соловецких островах. Накануне нам рассказали историю про утерянные сокровища, которые спрятали монахи в гражданскую войну. Острова я уже знал хорошо, и вдруг как будто перенесся в те годы. Я представил себя на месте монахов, у которых было два дня, чтобы спрятать объемные сокровища. И я понял, что все лежит на дне озера, у которого стоит наша палатка. Я до сих пор мечтаю организовать туда экспедицию.

Однажды я сидел на берегу Белого моря, на юге Кольского полуострова, курил и слушал морской прибой. Вдруг среди белых вершушек волн показался парус – малюсенькая яхта, на которой сидели два человека. Когда яхта причалила, на берег вышли пожилые мужчина и женщина. Он обнял ее, они сели на камень и долго молча смотрели на море. А потом уплыли.

Однажды на физтехе я работал в лаборатории физики плазмы. Мы собирали установку, и нам обещали за это зачет по курсу «техника физических экспериментов». Меня сначала посадили сваривать стеклянные трубки. Руководитель проекта посмотрел на мою работу, стукнул карандашом по стеклу, и по моему шву побежала белая трещина. «Неплохо для начала! – сказал он. – Мой первый шов рассыпался через пять минут без карандаша».

Однажды я собирал установку для изучения высокочастотного газового разряда. Вокруг стеклянной трубки была намотана катушка из медной проволоки с палец толщиной. Я сидел, уткнувшись носом в трубку, и любовался розовым свечением. «Ты особо нос туда не суй! – сказал руководитель. – Тут излучение такое, что у тебя могут мозги закипеть! Хотя, впрочем, в Институте атомной энергии такой уровень излучения и за излучение-то не считают!». Потом я узнал, что мощность нашей установки была равна мощности десяти микроволновых печек. На следующий день мы поставили защитный экран.

Однажды я налаживал оптический спектрометр, чтобы измерять спектры излучения плазмы. Столик, на котором стоял спектрометр, был шаткий, и я его подпирал свинцовыми кирпичами. «Что за халтура!» – возмутился руководитель. Я сказал, что в оптической лаборатории еще и не так

халтурят. «Никогда не оправдывайся тем, что у других еще хуже!» – сказал руководитель. Эти слова остались со мной на всю жизнь.

Однажды на семинаре по научному коммунизму наш преподаватель сказал, что секс в семейной жизни – это всего 5%, остальное – разговоры. «Надо жениться на глухонемой», – задумчиво прокомментировал кто-то из студентов.

Мне дали тему!

Лаборатория ядерного магнитного резонанса находилась в академическом Институте. Я не буду его называть, чтобы не делать ему рекламу или антирекламу. Я люблю этот Институт со всеми его достоинствами и недостатками. Сейчас он стал другим, но я пишу про времена, когда все, кто там работал, любили науку, и рабочий день во многих лабораториях заканчивался в десять часов вечера. Институт был для многих вторым домом – местом, куда любили приходить.

У проходной Института меня встретила женщина прекрасного бальзаковского возраста, которая впоследствии стала моей шефиной. Она сказала, что ждала дипломника из физтеха много лет и повела меня знакомиться с лабораторией.

Мы шли по длинному мрачному коридору мимо бесчисленных закрытых дверей. То тут, то там неожиданно появлялись молодые женщины в белых халатах и мгновенно ис-

чезали в темноте. Я вертел головой, и мне начинало тут нравиться. Мы спустились на два этажа под землю и оказались в коридоре, где под потолком вились связки черных кабелей толщиной с человеческую руку. Я сразу почувствовал, что нахожусь на передней линии фронта большой науки.

Навстречу нам попался боец научного фронта в ватнике, надетом на синий халат. Он остановился и мрачно посмотрел на шефиню.

– После обеда приходи, – сказала она, – может, что и осталось.

Мы вошли в большую, светлую комнату, где было жарко, шумели компрессоры и воняло всеми химическими растворителями, придуманными изобретательным человечеством.

– Здесь ты будешь работать, – сказала шефиня. – Вот это американский спектрометр, а там стоит японский. Японский не работает, но он тебе и не нужен. В соседней комнате стоит прибор, который мы сделали сами, но он тоже не работает. Но его мы починим.

– А почему японский починить нельзя? – наивно поинтересовался я.

– А зачем его чинить? – удивилась шефиня. – Он уже устарел, а американский – это последнее слово техники.

За последним словом техники сидел лысый парень.

– Это аспирант из дружественной лаборатории, – сказала шефиня. – Он умный и поможет тебе освоиться. Ты пока осмотришься, а я скоро приду.

Умный аспирант глянул на меня и сказал, что студенты работают только по вечерам и ночам. Вот пройдут годы, я вырасту и буду работать днем.

– Мне тут нравится, – робко сказал я. – В Курчатнике я не видел столько женщин.

– Женщин тут много, – буркнул аспирант. – Но вот только...

– Что «вот только»?

– Поработаешь – узнаешь!

Вскоре вернулась шефиня вместе с мужчиной небольшого роста, в костюме и толстых очках.

– Это наш теоретик, – сказала она. – Сейчас мы сформируем тему твоего диплома.

Я сразу вспомнил предыдущего шефа, который при словах «самостоятельная тема», морщился и говорил, что мне можно доверить пока только подметание коридоров.

– Володя, вы слышали про релаксацию многоспиновых систем? – вежливо спросил теоретик.

– Эээ... Учил, – осторожно ответил я.

– Вот этим вы и будете заниматься. Будет много теории, но желательно и эксперимент сделать. Теорию будете обсуждать со мной, а эксперимент... – тут теоретик посмотрел на неработающий японский прибор.

– Эксперимент будет сделан на «американце»! – бодро сказала шефиня. – Мы Володе выделим целый день в неделю.

– Ни фиги себе, целый день! – возмутился лысый аспирант. – Традицию нарушаете!

– А ты вообще молчи, – одернула его шефиня. – Володя наш студент, а ты какой-то приبلудный!

– Вот тогда сами его и учите, – обиделся приبلудный аспирант.

Теоретик ушел, а мы с шефиной отправились по другим комнатам лаборатории.

– Это наш механик, а это наш электронщик, – сказала она, когда мы вошли в мастерскую.

Механик что-то вытачивал на фрезерном станке, а электронщик стоял рядом и внимательно смотрел на выползающие стружки.

– Ну как, готовы твои рамочки? – спросила шефиня у электронщика.

– Во, посмотри! – электронщик взял со стола блестящую рамку. – Я ее в спальне повешу, жена упишется от восторга!

Мы пошли дальше.

– Познакомься с нашим завлабом, – шепнула мне на ухо шефиня. – Имей в виду, что он не любит теоретиков!

Мы находились в комнате со шкафами и сейфами. Вдоль стен вытянулись большие лабораторные столы с кучей приборов, стоявших друг на друге. Завлаб сидел к нам спиной за небольшим письменным столом и что-то писал.

– Ты, случайно, не теоретик? – спросил он вместо приветствия, повернувшись и глядя на меня поверх очков.

– Да я даже закона Ома не знаю! – выпалил я первое, что пришло мне в голову.

– И на хрена нам такой дипломник нужен? – спросил завлаб у шефини. – Закон Ома – это единственный закон, который должен знать даже дворник!

– Он шутит, – заулыбалась шефиня. – Он даже знает, как транзистор работает!

Она повернулась ко мне и стала делать загадочные знаки.

– Про транзистор знаю! – сказал я. – Эмиттер, база...

– Ладно, хрен с ним! – смягчился завлаб. – Пусть попробует! Но если я увижу, что он теоретик или, не дай Бог, воюющий химик... тьфу, тьфу, тьфу, не к ночи будет помянуто!

– Он не химик, – уверенно сказала шефиня. – Он про многоспиновые системы знает.

– Ну ладно, пошли вон отсюда! – ласково сказал завлаб и повернулся к нам спиной.

– А вот тут сидят наши главные электронщики! – шефиня открыла тяжелую дверь неподалеку от кабинета завлаба.

Эта комната была почти точной копией комнаты, где мы только что побывали. Лабораторные столы, сейфы, кассы с радиодеталями... В комнате сидел один главный электронщик и смотрел в осциллограф, по экрану которого бегал зеленый лучик.

– Политсеминар будет через час, – сказал главный электронщик. – Чай я поставлю.

Шефиня кивнула, посмотрела на часы и пригласила меня продолжить путешествие.

– А здесь наш женский коллектив, – сказала она, когда мы вошли в маленькую комнату, где впритык стояло несколько столов.

За одним столом ела женщина в белом халате, а за другим молодая лаборантка что-то перепечатывала. Я посмотрел на машинописный оригинал и прочитал название: «Энциклопедия половой жизни».

Институт мне нравился все больше и больше!

Первые впечатления

Мне сказали, что могу приступить к работе хоть сегодня.

– А что мне делать? – спросил я.

– Ну... пока почитай что-нибудь... – как-то неуверенно сказала шефиня. – Стола для тебя нет, ты уж где-нибудь устройся.

Я устроился на стуле в углу комнаты и принялся изучать инструкцию к спектрометру. Инструкция была на американском языке – это хоть немного утешало, ведь английский я вроде как учил. Вскоре выяснилось, что большинство слов мне встретились впервые. Я пытался их пропускать, но из оставшихся глаголов и предлогов понять что-ли-

бо было невозможно. Подошла шефиня и спросила, как у меня дела. Я сказал, что дела идут хорошо, но медленно.

Через час пришел инженер, похожий на киноартиста. Он спросил, знаю ли я технику безопасности? Оказалось, что самое главное – это гонять поганой метлой химиков, которые норовят притащить сюда всякую вонючую гадость и отравить таких замечательных людей, как мы с ним.

– А как насчет высокого напряжения? – спросил я.

– Этого полно! – согласно кивнул инженер. – Ты главное тут босиком не ходи и никуда пальцы не суй!

Я дошел до половины первой страницы, когда пришла женщина, которая назвалась оператором.

– Ну ты нахал! – заявила она аспиранту, который все еще сидел за спектрометром. – Я тебя на час пустила, а ты уже полдня сидишь.

– Так тебя же не было! – аспирант отчаянно крутил ручки, пытаясь закончить свой эксперимент.

– Мало ли какие у меня дела! – возмутилась операторша. – Твое главное дело – смыться вовремя, чтобы глаза мои тебя не видели. Мне вот надо студента нашего учить.

... – Ну, садись, – пригласила меня операторша. – Показываю главное. Вот видишь эти тридцать ручек?

– Вижу.

У меня в глазах рябило от пары сотен кнопок, ручек, приборчиков и лампочек.

– Вот к ним никогда не прикасайся. И сюда тоже не лезь! –

операторша показала еще пару десятков кнопок. И самое главное – снимай часы, когда работаешь. А то и часы испортишь, и прибор загубишь.

– У меня нет часов, – робко произнес я.

– Все равно снимай!

– Это я понял, а как нужно включать прибор?

– Он никогда не выключается, – операторша явно торопилась. – В общем, снимай часы и читай инструкцию.

После этой вводной лекции она ушла, а лысый аспирант быстренько занял ее место.

... – Ой, сколько тут мужчин! – в комнате появилась милостивая брюнетка в белом халате со стеклянной ампулой в руках. – Ну, кто поможет бедной женщине? Мне нужен спектр вот этой гадости. Я тут что-то наварила, и без физики мне не обойтись.

– Я сделаю, подожди минут десять, – откликнулся аспирант и стал крутить ручки с удвоенной скоростью.

Брюнетка села на стул посреди комнаты и сладко потянулась.

– Вы знаете, мальчики, о чем я мечтаю?

– Неужели об выйти замуж? – аспирант не отрывал взгляда от экрана прибора.

– Вот еще глупости! Я мечтаю найти рубль! Когда я иду по улице, то всегда смотрю под ноги и мечтаю увидеть рубль.

– У меня есть рубль, – встрял я в научный разговор.

– Рубль и у меня есть, – поучительно сказала брюнетка. –

Все дело в том, что я хочу найти его на улице.

– Замуж тебе надо! – руки аспиранта летали по кнопкам, как пальцы пианиста.

– За тебя не пойду! – закончила разговор брюнетка.

... – Ты не скажешь мне пару слов о приборе? – спросил я у аспиранта, когда мы остались одни.

– Ты, студент, не о том думаешь, – солидно сказал аспирант.

– А о чем должен думать студент? – поинтересовался я.

– Вот ты мне скажи, твой завлаб понимает что-нибудь в твоей работе?

Я задумался. Завлаб был электронщик и сейчас занимался разработкой прибора для измерения магнитного поля земли. Вряд ли он разбирался в многоспиновых системах.

– Не думаю... – тихо, но храбро сказал я.

– Вот! – аспирант поднял палец. – Твоя главная задача сделать так, чтобы завлаб чувствовал себя комфортно, когда будет подписывать статью, которую ты напишешь.

– А это так важно? – удивился я.

Аспирант посмотрел на меня как на идиота.

Будни на переднем крае

Я сижу в библиотеке и удивляюсь, как ученые умудряются писать статьи так, что кроме названий в них ничего не понятно? Впрочем, названия тоже не всегда понятны.

«Релаксация многоспиновых систем» – это ж надо дать мне такую тему диплома! Пару книг про этот кошмар я уже прочитал, но понял только историю вопроса. История полна драматизма и началась задолго до Октябрьской революции, но как происходит релаксация, было непонятно. Авторы отсылали за подробностями к статьям, где, однако, подробностей тоже не было, но были ссылки к другим статьям, в которых, впрочем, тоже ничего не было.

– Это все, наверное, для них очевидно, – подумал я, закрывая очередной журнал. – А я просто на голову обиженный. Вот вырасту большим, буду писать статьи так, что их будут понимать самые тупые студенты!

Ко мне подходит однокурсник, внимательно смотрит на формулы, которые я написал на листочке, и вздыхает.

– Хорошо тебе, формулы пишешь... А я вот полгода установку из стекла паяю. Сначала паяю, потом разбиваю.

– А зачем разбиваешь? – не понимаю я.

– Один раз я на нее упал, один раз она сама упала...

– Аааа, – я с пониманием киваю.

... – Ну как, освоил прибор? – шефиня весело улыбается и заглядывает в мой рабочий журнал.

В журнале нарисована панель управления спектрометром, где красным карандашом отмечены ручки, к которым нельзя прикасаться.

– А почему ты не хочешь регулировать уровень передатчика? – удивляется шефиня, показывая пальцем на мою схе-

му.

– Операторша запретила. Говорит, что после всяких козлов и аспирантов она потом полдня прибор в порядок привести не может.

– Ну, раз так... – шефиня удаляется.

У американского спектрометра много ручек, которые я не люблю. Но вот эти двадцать маленьких ручек для настройки я просто ненавижу! Поэтому объявил, что для меня эта задача неразрешимая. Лысый аспирант знает секрет быстрой настройки, но никому его не рассказывает. Он постоянно получает параметры выше, чем написано в паспорте прибора, очень этим гордится и собирается увезти свой секрет в Харьков.

– Но ведь в Харькове нет такого спектрометра! – возмущаюсь я.

– А вдруг будет? – аспирант мечтательно улыбается. – Представляешь, придет прибор, все в непонятках, а тут я – один на весь город единственный специалист.

Кроме аспиранта, секретом быстрой настройки владеет электронщик, который к этому времени закончил изготовление рамок для фотографий. Он не может побить рекорд аспиранта, но зато делает все быстро. Спрашивать его о секретах бесполезно, электронщик говорит, что его пальцами управляет некая электрическая муза, которая любит только его.

– Зато тебя женщины будут любить! – утешает он меня.

В конце второго месяца я начинаю понимать, что мне нужно сделать некое приспособление для прибора, иначе мне ничего не измерить. Из старых железок, кусков проволоки и нескольких конденсаторов я делаю нечто и прячу это нечто под панель. Но два проводка предательски выползают из-под панели, и инженер замечает мою самоделку.

– А ты Кулибин! – оценил гениальность моего замысла инженер.

– Еще раз замечу что-то подобное на иностранной технике, выгоню к чертовой матери! – это пришел завлаб и услышал наш разговор с инженером.

– А у нас в походе тоже был свой Кулибин, – подошла шефиня. – Он придумал способ крепления кочанов капусты к байдарке, но в порогах мы все равно всю капусту растеряли.

– Ну что за бедлам, – ворчит завлаб. – Сплошные бабы и Кулибины, а мне всем этим надо руководить.

Через полгода я получил первые экспериментальные кри- вые. Сажу в библиотеке, перебираю бумажки и любуюсь красотой библиотекарши. Подходит однокурсник.

– Ух ты! У тебя уже графики, а я вот опять свою установку разбил.

– Что, опять на нее упал?

– Да нет, сам разбил. Представляешь, все спаял, запустил

эксперимент, а оказалось, что установка вакуум не держит. Ну, я в сердцах по ней тихонечко ногой и стукнул.

Прихожу к теоретику. Он смотрит на мои кривые и говорит, что их нужно обработать на компьютере.

– Вы программировать умеете? – спрашивает он.

– Умею, но никогда не пробовал! – говорю я чистую правду.

– Тогда вам надо пойти в наш вычислительный центр и попросить Главного Программиста о помощи, – говорит теоретик.

Главный Программист сказал, что это задача для школьников второго класса. Он слепил какую-то программу из стандартных модулей, ввел мои данные и запустил задачу на счет.

– Приходи через час, – сказал Главный Программист.

Я пришел через час.

– Приходи завтра, – сказал Главный Программист.

Я пришел завтра.

– Компьютер на твоей задаче заиклился, и нам пришлось использовать главный рубильник, чтобы прочистить ему мозги, – пробормотал Главный Программист. – Ты больше к нам со своими глупостями не приходи. И вообще, учись сам программировать. Но лучше в другом месте!

Прихожу на физтех и узнаю, что два однокурсника уже написали статьи в солидные журналы. Начинаю паниковать.

Забрезжило

Бабье лето. Я иду по улице, опустив голову. Везде полный облом. До защиты диплома несколько месяцев, а у меня – ноль: и по эксперименту, и по теории. Эффект, который я надеялся обнаружить, оказался много меньше уровня шума. Я написал уравнение для динамики многоспиновых систем, но оно само заняло целую страницу в моей тетради. О решении и речи быть не могло. Программирую в основном теоретически. Попытки что-то рассчитать на компьютере – это испытание. На компьютер пускают раз в неделю – этот день для меня праздник. На этом празднике я нахожу очередную ошибку в программе, но, чтобы ее исправить, опять надо ждать неделю.

Одна радость – у меня бурная личная жизнь и много увлекательных путешествий. Я не хочу больше быть физиком, я хочу быть профессиональным путешественником.

Мы с приятелем сидим в столовой, и я рисую на листочке схему сил, которые действуют на катамаран в горном потоке.

– Вот бы тебе диплом на эту тему защитить, – говорит приятель.

При слове диплом у меня портится аппетит.

...В лабораторию приехал Великий Эстонский Ученый. Шефиня рассказывает о моей работе.

– Результаты есть? – спрашивает меня Великий Ученый.

– Будут, – не очень уверенно произношу я.

В конце сентября лабораторию заполнили японцы. Они выбрали наш подвал как демонстрационный полигон для своего нового прибора. Завлаб внимательно на меня смотрит и говорит, что если увидит меня возле этого прибора с паяльником, этот день будет последним в моей жизни.

У японского прибора есть компьютер. Я написал для него программу, которая распечатывает на принтере рисунок кота с поднятым хвостом. Японцы считают меня суперпрограммистом. Я хожу с ними в буфет, удивляясь, что они едят селедку и запивают ее компотом.

Один японец попытался поговорить со мной о Второй мировой войне. Я перевел тему разговора и заговорил о японских женщинах. Мы вместе решили, что русские женщины красивее.

Октябрь. Прошел дождь, я иду по улицам маленького подмосковного городка и ежусь от холода. В голове крутятся протоны, которые пытаются ориентироваться в магнитном поле. Наконец они сориентировались, и я остановился. Почувствовал, как по спине побежали мурашки – я понял, что надо искать!

Ощущая себя по-дурацки счастливым, щурясь от неожиданно выглянувшего яркого солнца, я бегу на электричку, чтобы поскорее занять место у прибора.

Два часа ночи. В комнате +35, нечем дышать, но я не обращаю на такие мелочи внимания. Я ожидаю эффект при низ-

кой температуре. Жидкий азот испаряется и охлаждает датчик.

– 10С – эффекта нет.

– 30С – эффекта нет.

Четыре часа утра. Температура в датчике —50С. Есть!!!

Опускаю температуру до —90С – эффект такой, что я выбегаю в темный коридор и начинаю танцевать!

Утром пришла шефиня и сказала, что надо срочно писать статью. За ней пришел завлаб и поинтересовался, что этот эффект даст народному хозяйству. Узнав, что в ближайшую неделю он ничего не даст, завлаб сказал, чтобы я прекратил заниматься онанизмом за государственный счет. Потом подумал и спросил, могу ли я на пальцах объяснить ему суть явления. Я показал четыре пальца и сказал: «Все раньше думали, что пальцы могут быть только вверх или вниз. А я нашел, что два пальца могут быть вверх, а два вниз!».

– На четырех пальцах всякий дурак может объяснить! – брякнул завлаб. – А ты вот на трех попробуй!

Я был тогда вежливым и на трех пальцах ничего объяснить не стал.

Лысый аспирант сказал, что я что-то сделал неправильно. Теоретик сказал, что этого не может быть, так как эффект противоречит всем законам термодинамики. Он написал уравнения, которые показали, что я ошибся. Я пошел проверять эффект на других образцах. На других образцах эффект был даже при комнатной температуре. Теоретик

сказал, чтобы я все бросил и сел за теорию. Я все бросил и сел. Вернее, нырнул с головой. Квантовая механика из абстрактной науки превратилась в рабочий инструмент. Личная жизнь опять дала трещину.

К весне мы получили уравнения, которые описывали все эффекты. Окончательная формула состояла из четырех букв и содержала параметр, который никому напрямую не удавалось измерить.

Шефиня сказала, что у меня готова диссертация. Теоретик сказал, что диссертация не готова, так как эксперимент надо повторить много раз. Завлаб сказал, что с моим увольнением он пока повременит. Я решил, что если даже диссертация готова, то диплом – тем более, и ушел с головой в личную жизнь. Главная трещина в личной жизни уменьшилась, но появилось много маленьких новых.

Плюнув на личную жизнь, я написал статью с описанием эксперимента и включил в список авторов всех сотрудников лаборатории. Теоретик вычеркнул всех, кроме меня, и сказал, что он со мной перестанет общаться, если увидит хоть одного соавтора в публикации. Я вычеркнул, написал благодарности в конце текста и нагло послал статью в печать. Шефиня сказала, что я правильно сделал.

До защиты диплома пара недель, а у меня нет текста и рисунков. Однако я хожу очень довольный и хорошо понимаю, что значит почивать на лаврах. Личная жизнь опять налаживается. Шефиня начала ворчать, но как-то мягко. Теоретик

задумал огромную статью и пытается меня вернуть из личной жизни в науку. Личная жизнь сопротивляется и не хочет меня отпускать.

Свобода!

За десять дней до защиты меня поймала шефиня и сказала, что срочно нужен напечатанный диплом для рецензента.

– Да не будет никто его читать, – попробовал я сопротивляться.

– Конечно, не будет. Он мне позвонит и попросит написать рецензию. А я попрошу это сделать тебя. Но правила есть правила – печатай!

Я напечатал сто страниц за два дня. Многие страницы были пустыми – в них нужно было вклеить фотографии с графиками. И еще нужно было вписать формулы в четыре экземпляра. Вот тут я позавидовал филологам – у них хоть таких проблем не было.

В фотолаборатории меня встретили строго. Там не было пьющих, и бутылка спирта, которая лежала у меня в портфеле, не помогла.

– У нас очередь на неделю из таких, как ты, – строго сказали мне. – Ну что вы, студенты, за народ!

– Мы хорошие, – пытался подмазаться я. – А я – не самый худший из нас, хороших.

Подошедшая девушка сказала, что она лично все для меня сделает, потому что мы им помогали раньше. Я не стал

уточнять, кто и как ей помогал, и с радостью удалился.

В переплетной все было просто: литр спирта – и на следующий день красная книжка готова. Шефиня взяла диплом и стала его листать.

– О, Боже! – сказала она, – А что ты в конце написал?

В конце было написано то, что «работа бесконечна, но где-то надо поставить точку, и я ее ставлю здесь». Я очень гордился придуманной фразой, считая, что это вызовет улыбку рецензента и гарантированную пятерку на защите.

– Но ведь надо было как-то... – я замялся. – Оживить...

– Теперь я точно этот диплом рецензенту не дам. А у вас на физтехе его поставят в архив, где, я надеюсь, он придется по вкусу мышам. А так бы была почти диссертация!

– Да ладно, – сказал я. – Делов-то... я быстро печатаю.

Оставалось вписать формулы и английские слова. Первый экземпляр я осилил, но потом стал искать добровольцев. Моя «Личная жизнь» согласилась помочь в ночь перед защитой. Я ее прождал целый вечер, потом стал звонить в больницы и морги. Нигде не было и следа! Она появилась в час ночи, сказала, что была занята и села вписывать формулы.

На защиту я пришел как в тумане после бурной ночи выяснения отношений. Что-то говорил я, что-то говорил рецензент, что-то говорили шефиня и теоретик. Вышел даже завлаб и сказал, что я был первым дипломником, которого он не выгнал из лаборатории.

– А кого он выгнал? – спросил я у шефини.

– Он всех выгонял, но потом они обратно приходили.

– Отлично! – вынес вердикт председатель комиссии.

После этого мы все поехали в ресторан «Варшава», который был тогда у метро «Октябрьская». После первого тоста меня повело, и дальнейшие события стерлись из моей памяти напрочь.

На следующий день позвонил теоретик и сказал, что о нашей работе он хочет доложить на международной конференции в Таллине. Для участия в таких конференциях нужно было получить разрешение первого отдела. Я поехал на физтех, где получил летнюю стипендию, и зашел в первый отдел.

– Не стоит тебе туда ехать, – сказали мне в первом отделе. – А вдруг ты секреты знаешь?

Я секретов не знал, я тогда вообще забыл все, что знал. И еще я не понял, почему работа, которая была опубликована в открытом журнале, может быть секретной. Но в окружении кодовых замков и папок с номерами мне стало не по себе – я с пониманием кивнул и вышел на улицу.

Стипендию мы пропивали три дня, переходя из ресторана в ресторан. Я знакомился со всеми девушками подряд, всем назначал свидания, но наутро забывал где, когда и с кем.

Потом деньги кончились. Я проснулся утром, выпил цитрамон и задумался. На столе лежал многократно обмытый диплом инженера-физика, а впереди было три месяца каникул. Я получил «свободное распределение» и записался на экзамены в аспирантуру. Поскольку экзамены предстояли

только в сентябре, а «Личная жизнь» освободила меня от каких-либо обязательств, впереди меня ждало только сладкое слово «свобода»!

Детство закончилось – я уже не мог прикидываться глупым студентом, а диплом грозно напомнил, что теперь многое в этой жизни я должен делать сам.

Я долго лежал в постели и думал, чем теперь заняться.

Однажды во время дипломной практики

Однажды я проходил практику в теоргруппе Института атомной энергии.

– Ты будешь заниматься проблемой удержания плазмы в термоядерном реакторе, – сказали мне.

– Так этим с пятидесятых годов занимаются, – удивился я.

– Этой проблемы до конца века хватит! – объяснили мне.

Они оказались правы.

Однажды я пришел на практику в лабораторию и меня представили «шефине».

– Ты по рекам плавал? – спросила она.

Тут «шефиня» отвлеклась, и мне шепнули, что сейчас она расскажет, как потеряла кочан капусты.

– Плавал, – сказал я.

– А я плавала по реке Бия, и мы в пороге потеряли кочан капусты, который купили в деревне.

– Я знаю, – ляпнул я.

Однажды мне сказали, как нужно отличать настоящего электронщика от чайника. Оказалось, что нужно попросить дать крысу и смотреть на реакцию. «Крыса», на жаргоне, – это размножитель/удлинитель.

Однажды в нашу лабораторию пришел компьютер. Все ходили вокруг него и думали, как его приспособить в домашнем хозяйстве. И придумали! Меня попросили рассчитать стратегию игры в спортлото.

Однажды я был дипломником, и наш завлаб проводил инструктаж по технике безопасности. Он сказал, что никогда нельзя братья одной рукой за корпус прибора (он взялся за корпус) и совать пальцы другой руки, куда не следует. При этом он сунул палец в разъем под высоким напряжением. В комнате запахло паленым. Он посмотрел на свой палец и сказал, что он и не тем готов пожертвовать, чтобы научить таких «чайников», как мы.

Однажды дипломником я пришел в кабинет завлаба и увидел над его столом плакат. Там было написано: «Дорогие женщины! Отныне и во веки веков я всегда буду согласен с тем, что я во всем виноват!». «В чем вы виноваты?» – спросил я. Он внимательно посмотрел на меня и сказал, что я это пойму лет через десять. Я был способный и понял это раньше.

Однажды руководитель моего диплома произнес загадочную фразу: «Володя, никогда не вводите новых сущностей». Я ничего не понял, но пообещал никогда этого не де-

лать. Потом мне объяснили, что он имел в виду. Оказывается, не надо придумывать новую теорию, если и старая хорошо работает. Но пока я этого не знал, я любил это выражение. Например, когда меня спрашивали мнение о кинофильме, я мог всегда сказать, что там я увидел новые сущности, а это никуда не годится. Уже потом я узнал, что это называется «Бритвой Окама».

Однажды на шестом курсе я увлекся Есениным. Я им просто бредил. Записи песен на его стихи я мог слушать часами. Мне были интересны все детали его жизни. В переулках около улицы Герцена я пытался найти квартиру, где он снимал комнату. Это был старый дом с коммуналками, окна кухонь выходили на лестничные площадки. Я ходил по квартирам и спрашивал: «Не тут ли жил Есенин?». Мне отвечали, что за последние пять лет таких жильцов тут не было.

Однажды на шестом курсе я ехал в электричке и встретил девушку, которая раньше жила в нашем доме. Я ей стал рассказывать про свое увлечение Есениным. Она внимательно слушала и потом сказала, что у меня, наверное, есенинский период в жизни. И пригласила к себе на чашку чая. Вот так взяла и все опошшила!

Однажды студентом я услышал рассказ о поездке моего завлаба в Англию. В гостинице ему подсунули порнографию.

ческий журнал, на обложке которого был изображен офицер КГБ, насилующий девушку. Когда он пришел в лабораторию, то работавший там поляк-эмигрант стал поливать грязью Советский Союз. Дескать, у вас там КГБ устроило повальную слежку, душат свободу, никого никуда не пускают... «И еще насилуют незащищенных девушек», – сказал завлаб и показал журнал. Разговор закончился всеобщим хохотом.

Однажды я поразился находчивости больших ученых. Наш завлаб обожал ругаться, но сделать это от души в лаборатории было невозможно. Вокруг было много женщин. И он придумал универсальное ругательство: «Geworden, werden, sein, gewesen!». Это было невинное спряжение немецкого глагола, но звучало устрашающе и наводило ужас на тех, кто не знал немецкого.

Однажды я поссорился с любимой девушкой и решил с кем-нибудь познакомиться, чтобы не было так грустно. Не придумав ничего лучшего, я купил билет в Малый театр на какой-то скучнейший спектакль. Отсидев первый акт, я почувствовал, что знакомиться мне надоело и поехал в читалку делать задания по физике.

Однажды мы купили дорогуший японский спектрометр. У него был магнит весом в три тонны с потрясающей однородностью магнитного поля. Чтобы поставить его в лабора-

торию, мы сделали в коридоре специальные настилы и положили металлические катки. Завлаб сказал, что у него не хватает нервов, чтобы смотреть, как мы будем курочить эту технику, так что он не будет при этом присутствовать. Но если однородность поля окажется ниже паспортной, то он всех нас подвесит за самые чувствительные места мужских организмов. На следующий день приехавший крановщик стукнул магнит об стену. Потом бригада аспирантов, студентов и пьяных монтажников с матюгами и ломami погнала магнит по коридору. Перед приходом японского настройщика мы тяпнули по 100 граммов для успокоения нервов. И зря! Однородность поля оказалась выше паспортной.

Однажды у нас в лаборатории японцы устроили выставку научного оборудования. По этому случаю они закатили банкет в ресторане «Националь». Там присутствовал некий куратор, который следил, чтобы мы по пьяному делу не продались Стране восходящего солнца и перечислил слова, которые нельзя было вставлять в тосты. Потом подумал и сказал, чтобы мы вообще молчали. Завлаб эту лекцию не слушал и целый вечер с рюмкой в руках рассказывал обалдевшим японцам про спектры этилового спирта и его смеси с водой. А мы тихонько пили за каждую линию в этих спектрах.

Однажды мы праздновали в ресторане защиту диплома.

Я пригласил на танец девушку, которая оказалась дочкой какой-то шишки из польского посольства. Я наивно спросил, где ей больше нравится: в Советском Союзе или в Польше? Она внимательно на меня посмотрела и сказала, что из этих двух стран ей больше нравится Америка.

Французы

Как-то раз нам с аспиранткой приспичило срочно закончить эксперименты. Дневного времени не хватило, и мы решили остаться в лаборатории на ночь. Сразу скажу, что описаний секса не будет, – мне надо было срочно сделать ключевые измерения для дипломной работы, а аспирантка через неделю выступала на конференции, и ее мысли были только о тщательной проверке результатов. Аспирантка устроилась за большим спектрометром, а я сидел у своей установки, уставившись в осциллограф. В час ночи в дверь постучали. Вошла вахтерша.

– Разрешение на ночную работу есть?

– Мы заявку в первый отдел подавали. Да мы и не нарушаем – нас в комнате двое.

– Нет на вас никаких заявок. Да и потом – мужчина и женщина...

– Ну и что?

– Я вот на вас докладную напишу. Как ваши фамилии?

– Кюри, – представился я.

– Складовская, – не растерялась аспирантка.

– Евреи, что ли? – уточнила вахтерша.

– Французы, – объяснил я.

– Я вот сяду на этот стул и не встану, пока вы не уйдете.

– А если мы безобразиями начнем заниматься?

– Вот я и поучусь, как там у французов.

Аспирантка снова села за спектрометр, а я стал менять дьюар с жидким азотом у своей установки. Через пять минут вахтерше все надоело.

– Вы все равно ни хрена не делаете, так хоть бы чайком угостили.

– Здесь чай пить нельзя: химия, радиация, сильные радиоизлучения...

– Етить твоя мать, подышайте тут сами!

Вахтерша ушла, мы продолжили работу. В три ночи снова раздался стук.

– Живы еще? Пойдем ко мне, я чай заварила. С сушками поьем.

Мы пошли и выпили чаю. С сушками. Очень было кстати.

– В пять утра проверка может прийти, – вздохнула вахтерша. – Вы это... у меня одеялко есть, я вам в гардеробной брошу, там и устройтесь до восьми. В восемь у меня смена – потом, хоть куда.

– А подглядывать не будете? – поинтересовалась аспирантка.

Вахтерка с презрением окинула взглядом тоненькую фигурку.

– Да что там подглядывать. Смотреть-то не на что!

– Мы лучше в лабораторию вернемся, – предложил я альтернативный вариант. – Свет выключим, будем как мышки.

– Что вы там в темноте увидите, – опять вздохнула вах-

терша. – Хотя, да. На что там смотреть!

Мы ушли. Аспирантка закончила работу в семь тридцать, я вышел минут через пятнадцать.

– Хоть работу-то сделал? – спросила вахтерша.

Я с гордостью показал лист миллиметровки с графиком, на котором стояли десять жирных точек.

– Господи! – воскликнула вахтерша. – И на что вы жизнь молодую тратите! Я бы тебе таких точек за пять минут по-натыкала. Иди, уж, горемычный!

И я ушел. Тогда я был уверен, что вахтерша была не права. Сейчас я в этом уже не очень уверен.

Картинки из памяти

Милиционер

Весна в подмосковном городке. Грязный снег, обнажающийся мусор, бледные лица прохожих. Подходит одноклассник в милицейской форме. «Слышь, у тебя рубля не будет?» Я достаю из кармана мелочь. «А больше нет?». Мне больше жалко, поэтому говорю, что нет. «Ну и на какой... ты в институт поступал?». Иду дальше, выглянуло солнце, стало немного веселее.

Демон

Однажды в колхозе мы остались наедине с девушкой, за которой я начал ухаживать. Мы долго бродили по вечерним дорогам, полям и, наконец, нашли стог сена. Забравшись на вершину, мы стали смотреть в небо. Потом я начал читать стихи. Я читал долго, девушка сначала внимательно слушала, затем, не сказав ни слова, слезла со стога и ушла. Вот я и думаю: может, я не те стихи читал? Я ведь хотел похвастаться, что знаю начало поэмы Лермонтова «Демон».

Женщина

Москва, лето, час пик, переполненный автобус. Ко мне прижимается миловидная женщина: «Молодой человек, я вас не очень задавила?». У нее в уголках глаз много морщи-

нок, косметика от жары поплыла. Ей на вид лет сорок, мне двадцать два. Между нами пропасть. Она читает мои мысли, просит потесниться и протискивается к выходу. Я хочу идти за ней, но она уже выходит на остановке, двери закрываются.

В колонии

Зимний вечер в детской колонии под Икшей. Много снега, вокруг столовой утоптанная дорога, освещенная желтыми фонарями. По дороге идет отряд заключенных и поет: «Вихри враждебные веют над нами...». Столовая маленькая, и пока один отряд ужинает, второй ходит строем. «Зачем они тут ходят?» – спрашиваю я стоящего рядом лейтенанта. «Так у них борзоты меньше будет!» – отвечает лейтенант и бросает окурок в сугроб. Из строя доносится: «Темные силы нас злобно гнетут».

На пляже

Травянистый пляж на реке Серебрянка в Пушкино. Я лежу на полотенце и читаю книгу по квантовой механике. Через два дня экзамен, и я отчаянно пытаюсь сосредоточиться. Яркое солнце, ветра нет, жарко, я отмахиваюсь от слепней. Неподалеку лежит девушка, которая постоянно демонстрирует мне свою большую грудь. По крайней мере, так мне хочется думать. Я понимаю, что квантовая механика тут в голову не полезет, собираю вещи и ухожу домой. Перед глазами не формулы, а девушка с большой грудью.

Путь на завод

Москва, семь утра. Летняя практика. Я еду на автобусе на завод, где буду целый день сидеть за конвейером. Лица у моих попутчиков опухшие, все молчат и кажутся усталыми еще до начала работы. Я пытаюсь читать Мопассана, но переживания его героев сейчас ужасно далеки от меня и моих соседей. Автобус трясется на неровной дороге, и это мешает дремать.

Девушка из спортивного магазина

Сочи, пляж в санатории. Деревянные лежаки, крупная теплая галька, ласковое море. Я познакомился с девушкой и слушаю, как она рассказывает о своей работе. Она товаровед в спортивном магазине в Лужниках и говорит, что достать любую спортивную обувь для нее не проблема. Новая знакомая трещит без умолку и заглушает шум прибоя. Мне не нужна спортивная обувь, я думаю, как бы мне с ней повежливее раззнакомиться.

Разрушенная романтика

Селигер, теплый июньский день. Песчаный пляж, рядом заросли камышей. Мы сидим на берегу и прилаживаем мачту с парусом к нашей байдарке. В камышах кипит жизнь, оттуда взлетают утки и проносятся над нашими головами. Где-то рядом протока, по которой мы попадем в Волгу. Встреча

с Волгой волнует, я начинаю говорить какие-то высокопарные слова. Приятель дает мне иголку с толстой ниткой и говорит, чтобы я заканчивал сотрясать воздух и начинал пришивать парус к перекладине.

Песни на платформе

Ночь в Новгородской области, по рельсам идет товарный поезд. Мы сидим на открытой платформе и орем песни. Слуха почти ни у кого нет, но шум от колес такой, что это сейчас неважно. На небе сияют яркие звезды, холодно и ветрено. Но мы молоды, дурны и счастливы!

На лошадях не поедем

Мы сидим на диком галечном пляже около Сухуми. Теплое море, теплая галька, тепкое вино, которое мы купили на рынке. Мы были в алыплагере и решили искупаться перед дорогой в Москву. С нами девушка из Владимира. Она некрасива, но спокойна, улыбчива и доброжелательна. Девушка уговаривает нас заехать в Сочи, где можно покататься в горах на лошадях. На лошадях мы кататься не хотим и слушаем ее вполуха. Шум прибоя расслабляет, и нас клонит ко сну.

Заяц

Я еду зайцем в купе проводника. На юге эпидемия холеры, и достать билет не удалось. Замок у двери сломан, я интере-

суюсь почему. «Муж – проводник в соседнем вагоне, ревнивый как черт, – спокойно отвечает проводница. – Ты лежи спокойно на верхней полке и ко мне не приставай, а то этот ирод и тебя зарежет, и меня». Я лежу в душном купе и думаю о контролерах, о муже проводницы и о холере. Немножко пьяная проводница периодически подмигивает, показывает на сломанный замок и разводит руками.

После Северного полюса

Семинар по матанализу. Я хожу в другую группу, там уникальный преподаватель. С виду он толст и неуклюж, и не верится, что он ходил на лыжах со Шпаро к Северному полюсу. Он все время мягко шутит, на его лице застыла детская улыбка. Он пишет на доске формулы и просит нас ему подсказывать. Два часа пролетают незаметно.

Французская революция

Преподаватель истории КПСС. Небольшого роста, в больших очках с выпуклыми стеклами. Он уже пожилой, но голос громкий и четкий. Я окончил институт три года назад, но пришел к нему в гости. Маленькая однокомнатная квартирка в хрущевской пятиэтажке. Одна стена заставлена книгами. Он немного растерян и пытается рассказывать про французскую революцию. Я не люблю французскую революцию, как и другие революции. Это грязная и кровавая борьба за власть, сопровождаемая красивыми словами. Он

чувствует, что мне это неинтересно, и теряется еще больше. Но я его люблю, я помню, как он пытался научить нас думать, как он просил нас представить себя на месте «пламенных революционеров» и принять то или иное решение. Разговор перетекает в воспоминания, и нам обоим становится тепло и уютно.

Идеальные лекции

Лекции по матанализу читает знаменитый Кудрявцев. Он идеальный лектор и выглядит человеком из будущего. Читает лекции по памяти, без единой ошибки, вставляя в свою речь несмешные анекдоты и примеры из искусства. Все вымерено, проверено. Он блестяще образован и, наверное, очень добрый и положительный. Но я не могу себе представить, как с ним можно посидеть на кухне за бутылкой и поговорить по душам. Что-то он слишком идеальный для меня.

Лектор после Тянь-Шаня

Лекция по общей физике. Лектор – полный разгильдяй. Он астрофизик и половину времени проводит в обсерваториях. Сегодня вернулся с Тянь-Шаня. Он загорел, похудел, но энергичен и хочет рассказывать не о поле диполя, а о снежных горах и далеких звездах. В середине лекции он забывает про диполи и переходит к рассказу, как он ездил на ишаке.

Цепи Маркова

Семинар по теории вероятностей. Я делаю десятиминутный доклад о цепях Маркова. Эти цепи я почему-то люблю, говорю эмоционально, громко и четко. Преподавательница молчит и внимательно слушает. Когда я заканчиваю, она неожиданно начинает аплодировать, потом обнимает меня за плечи и говорит, что у меня талант преподавателя. Потом смущается от своей эмоциональной выходки, строго просит открыть тетради и записать тему семинара.

На Соловках

Соловецкие острова, наша палатка стоит на берегу моря. Утро сырое и серое. Я хожу по берегу и ищу сухие ветки для костра. Ко мне подходит местный рыбак со связкой рыбы. «У вас там выпить есть что-нибудь? А то могу поменять», — предлагает он и показывает больших серебристых рыб. Я отрицательно качаю головой. Рыбак машет рукой, опускает голову и уходит.

Спорт и физкультура

Поздняя электричка. Я сажусь на твердую лавку и узнаю в соседе моего преподавателя физкультуры в школе. Он в дубленке, пыжиковой шапке и с портфелем. Теперь он работает в каком-то спортивном комитете, строг и серьезен. Узнав меня, он начинает вдруг рассказывать, что главное в стране не спорт, а физкультура. И что надо каждое утро

делать зарядку. С ним немного тоскливо, но я его слушаю и киваю.

Ты еще дома...

Морозный зимний вечер в Москве. Я стою около театра на Старом Арбате и поглядываю на часы. Очень холодно. Ноги занемели в тонких кожаных туфлях. Вот уже десять минут как спектакль начался, я иду к телефону-автомату.

– Ты еще дома?

– Да, я не приду... просто не хочется.

Я рву билеты и иду к метро, не замечая холода. Почему она не могла соврать, что заболела? Ведь это так просто – соврать! В вестибюле метро на полу каша из серого снега и соленой воды.

Ученый в электричке

Поздний вечер, тусклый свет в электричке. У темного окна сидит мужчина в дубленке. Очки, бородка, усталый вид, рука в перчатке подпирает голову, на коленях текст научной статьи. «Ученый, – думаю я. – Работал допоздна, устал, бедняга!». Потом принюхался – ученый пьян в стельку!

Загар

Пляж на подмосковной речке. Моя девушка скоро вернется из стройотряда, и я решаю пойти позагорать, чтобы выглядеть немного приличнее. Жарко, скучно... Я лежу уже вто-

рой час, ворочаясь с боку на бок и периодически осматривая свои загарные достижения. У меня только один день для загара, и я решаю использовать его по максимуму. Через три часа я заканчиваю эту пытку. Но пытка продолжается еще два дня. По ночам не могу найти позу, чтобы спать и не мучиться от зуда обгоревшей кожи.

Нет смысла в жизни

Теплая ночь под Москвой. Маленькая платформа, горят белые фонари, вокруг которых вьются мошки. Я сижу на прохладной скамейке и жду последнюю электричку. Полчаса назад мне намекнули, что больше в этот городок приезжать не надо. Горит зеленый огонь светофора, и над ним всходит молодая луна. Кажется, что жизнь потеряла всякий смысл.

После защиты

Вечерний полупустой московский автобус. Я возвращаюсь домой после защиты диплома, пьяный, счастливый и готовый познакомиться со всеми девушками Москвы. Подсаживаюсь к невысокой блондинке. У нее простоватое лицо, большие серые, широко-расставленные глаза, от нее пахнет пудрой и шампунем. Она охотно поддерживает глупый разговор и говорит, что может достать билеты в любой московский театр. Потом девушка говорит свой номер телефона, мы расстаемся, и я с ужасом понимаю, что запомнил только

первые три цифры.

Визит декана

У нашего декана была дурацкая привычка ходить по общежитию и интересоваться, чем занимаются студенты. Время его появления было непредсказуемым. Он мог заглянуть на полчаса перед заседанием кафедры, а мог прийти вечером, чтобы не спеша обойти комнату за комнатой.

В нашей комнате жили специалисты в различных областях знаний. Сашка дни и ночи проводил в парусном клубе, Васька разрабатывал новые стратегии игры в преферанс, а в свободное от карт время писал научно-популярные статьи в журналы «Наука и жизнь» и «Знание-сила». Колька увлекся девушками, которых поселили у нас на первом этаже. Девушки приехали повышать какую-то квалификацию, и Колька им помогал, как умел. Я тогда серьезно занимался фотографией и чтением классической литературы, которая должна была меня облагородить и снабдить темами для бесед с моими будущими избранницами.

Декан появился внезапно. Раздался решительный стук, и, не дожидаясь разрешения, в комнату вошли наш комсомольский секретарь и сам декан. Мы лежали на кроватях и обсуждали достоинства Галки, которая должна была скоро прийти к Кольке в гости. Он нам объяснял, что мы можем недолго полюбоваться Галкиной красотой, нарезать колбасу, которую он купил в буфете, и после этого тактично удалиться.

– Вы хоть в читалке посидите, – предложил Колька. – Может, почитаете чего, может, поумнеете.

Декан вошел как раз в тот момент, когда он произносил последние два слова.

– Лежите, лежите, – сказал он, присаживаясь за стол, на котором вскоре должна была появиться нарезанная колбаса. Пока там стояла неоткрытая бутылка вина, два грязных стакана и оттиск статьи об измерении оптических спектров излучений плазмы.

Декан полистал оттиск и довольно хмыкнул.

– Кто из вас этим занимается?

Васька тяжело вздохнул и присел на кровати.

– Ну, я!

– Какая средняя длина волны красного света? – спросил декан.

– Около семи тысяч ангстрем – пробурчал Васька.

Мы не удивились. Васька утверждал, что успех преферансиста заключается в запоминании вышедших из игры карт. Он постоянно тренировал память, запоминая почти целые страницы текста и цифр.

Декан удовлетворенно кивнул, продолжая изучать оттиск.

– Теперь я вижу, что вы тут не просто лежите, а думаете о науке. Кстати, а что ты думаешь про это уравнение?

Декан ткнул пальцем в какую-то длинную формулу и посмотрел на Ваську.

– Я пока статью только по-русски читал, – сказал Васька.

– Так статья на русском!

– В основном, да, а вы тычете в английские буквы! Формулы-то не по-русски написаны.

Я увидел, как комсомольский секретарь за спиной декана показал Ваське кулак.

– Так... – декан не выглядел растерянным, он всякое повидал в нашем общежитии. – А вот ты о чем думал, когда я вошел в комнату?

Декан посмотрел на Сашку. Сашка приподнялся, облокотился на спинку кровати и громко откашлялся.

– О бабах он думал! – пробурчал Васька.

– С тобой разговор уже закончен! – заволновался секретарь.

– Я думал о кругосветке под парусом, – честно сказал Сашка.

Декана удивить было невозможно. Он перевернул оттиск, нашел на бумаге свободное место, вынул из кармана авто-ручку и подозвал Сашку.

– Нарисуй, как яхта может идти против ветра.

– В бейдевинде, что ли? – спросил Сашка, подошел к столу, нарисовал лодочку с парусом и кучу стрелок.

– Вот, – сказал он. – Остается только эта составляющая силы, она и толкает яхту вперед. Градусов под тридцать к ветру вполне можно идти.

Декан кивнул, секретарь облегченно вздохнул.

– А в какой области знаний ты являешься лучшим специ-

алистом в мире? – спросил декан Кольку.

– Он вчера книжку про венерические болезни читал... – начал Васька.

– Помолчи! – прошипел секретарь.

– А помимо болезней? – продолжил вопрос декан.

– Вообще-то я по взрываю, – неуверенно сказал Колька.

– Уравнение для адиабаты Гюгонио можешь написать?

– Мог, но сейчас я нервничаю.

– Скорость ударной волны может превышать скорость звука?

– Может, – тихо сказал Колька.

– Он все знает, – прокомментировал Васька. – Ему надо стипендию повысить!

– Тебя не спросили, – пробурчал секретарь. – Лучше скажите, почему у вас бутылка вина на столе?

– Она не открытая, это не считается! – неожиданно заступился за нас декан. – Может, они в гости собрались!

– Стаканы бы хоть помыли, – продолжал бурчать секретарь. – Позорище факультета!

Последним позорищем факультета был я.

– Что читаешь? – спросил декан, увидев книгу у моей подушки.

– Лев Толстой, «Война и мир», – сказал я.

– Детский сад какой-то! – хмыкнул секретарь.

– А тебя не удивляет потеря романтизма Наташей Росто-

вой? – спросил декан.

Я задумался. Про потерю романтизма я еще ничего не знал.

– Он только второй том читает, – сказал Васька. – До четвертого он в следующем семестре доберется.

– Изыди! – сказали мы с секретарем почти хором.

– Ну а кроме «Войны и мира»? – спросил декан. – О чем ты, например, думал сегодня утром?

– О плазме, «чтоб устойчивой была», – процитировал я слова из песни.

– А массу электрона помнишь?

– Девять на десять в минус тридцать первой, в системе СИ.

– Никто, кроме школьников, этой системой не пользуется, – сказал декан.

– Точно! – встрял Сашка. – В милях и узлах гораздо сподручнее.

Декан встал и направился к двери. Взявшись за ручку, остановился.

– Хотите честно? – спросил он.

Мы кивнули.

– Я вами доволен. А ты как думаешь? – обратился он к секретарю.

– Бюро решит, что с ними делать, – сказал секретарь. – По моим данным, они только взносы платят, а больше ни фига не делают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.